

I.M.M.O.R.T.A.L.

16+

ИЛЬЯС НАЙМАНОВ

С ТОЛКНОВЕНИЕМ

Ильяс Найманов

Столкновение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38565779

SelfPub; 2019

Аннотация

Книга «Столкновение» продолжает серию книг I.M.M.O.R.T.A.L., первой из которых является книга «Янтарь. Вирус бессмертия». Военные действия выходят на международный уровень, последствия их навсегда меняют историю. Кто победит в этой войне – человеческий разум и боевые роботы или невероятная живучесть и упорство носителей вируса? Не является ли это тем самым предсказанием о конце света, которое начало сбываться? Насколько дальновидны военные стратеги, применяя привычную им тактику? Не пора ли тем, кто еще не втянут в войну, выбрать сторону победителей?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Москва	10
Глава 2. Демоны	26
Глава 3. Сумрак	45
Глава 4. Рок	54
Глава 5. Распространение	68
Глава 6. Шаги неизбежности	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Пролог

– Ну так иди и посмотри, ушли они или нет, – хмыкнул солдат, выплевывая соломинку, от которой во рту остался горьковатый, но приятный пряный вкус, отвлекающий от начинающейся жажды.

Фамилия его была Токарев, а в солдатском быту его звали просто Токарь. Он повернул голову и испытующе посмотрел на боевого товарища Семена с труднопроизносимой фамилией, к которому не привязывалась никакая кличка. Налюбовавшись, он снова вернулся к окуляру оптического прицела, безрезультатно осматривая спуск к озеру. Незавидное положение бойцов не изменилось с прошлой ночи. Семен, крепкий, коренастый и обычно веселый, не шутил уже с утра. Пересохшие губы и хрипотца в голосе говорили сами за себя. Вода кончилась еще утром, о том, чтобы идти к своим на запад, сейчас не хотелось и думать.

Их блокпост был разбит ночью. Они, чудом убежавшие от пятнистых практически без амуниции и снаряжения, смутно представляли, куда сейчас идти. Заблудиться было нестрашно, больше всего, до животного ужаса, они боялись наткнуться на гнус. Семен вздохнул, с трудом сдерживая и раздражение, и уныние. Небольшое озерцо, обрамленное камышом, сулило облегчение, к тому же обеззараживающие таблетки у них были, а вот сентябрьское жаркое солнце и незна-

чительные облачка на светло-голубом небе обещали сломить их сопротивление и заставить рано или поздно все-таки сходить за водой.

– Блин, Токарь... Не будут же они нас там караулить? Если бы они знали, что мы тут, сами бы за нами пришли, – сказал он негромко.

Токарь, уже не отрываясь от прицела, снял единственную на двоих пустую фляжку, последние капли которой он тщательно вытряхивал себе в рот полчаса назад, и положил рядом с товарищем.

– На. Что, готов поменять жизнь на глоток воды? – спросил Токарь без особого интереса.

– Нам все равно уходить надо к людям, на запад. Без воды плохо идти. Ты подумай: сейчас все людные точки обходить надо будет. Ни магазина, ни колодца – все мимо. Не сейчас, так потом точно наткнемся на этих. Людные места им маслом намазаны. Ты, если что, стреляй, главное – не тяни.

– Если что... – передразнил его Токарь, удивляясь некоторой легкомысленности товарища. – Даже если попаду, это их не удержит. Хорошо если свалит на время, чтобы ходу можно было дать, а если не свалит...

– Да ты не в него стреляй. В меня, – мрачно сказал Семен, протягивая руку к фляжке, зачарованно глядя, как причудливо играет на потертой алюминиевой крышке паутинка в лучах солнца.

Теперь снайпер отвлекся от смотренной-пересмотренной

травы по направлению к озерку и ближайшим камышам.

– Не дури, – севшим голосом сказал он. В его голосе легкой дрожью показал свое дикое лицо страх.

– Ты, главное, не медли... – механически повторил Семен, сграбастал флягу и, вынырнув из-за трухлявого бревна, которое служило им укрытием среди этой равнинной местности, поросшей то ли низким кустарником, то ли какой-то высокой колючей травой, пополз в сторону озера.

Ползти ему было метров сто, и снайперов у противника не было в принципе, не той силой пользовались пятнистые, пораженные вирусом выходцы из Зоны, но, честное слово, лучше ползти под прицелом снайпера, чем быть засеченным одним из тех созданий. Среднего роста ловкий тренированный солдат обозначал свою дорогу редким подрагиванием растительности и едва заметно появляющейся пылью, сбиваемой с горькой полыни, уверенно чувствовавшей себя в этих широтах. Через какое-то время подрагивание кустиков прекратилось, и Токарь даже в прицел оптики не мог разглядеть следов его присутствия. Замер солдат, прислушиваясь к обстановке, или обездвижен пятнистой тварью, было совершенно неизвестно.

До того как на их блокпост ворвались бывшие люди, они видели, а точнее сказать, чувствовали перемены в воздухе. Вся природа этого благословенного края чужая нежить и, бледная и испуганная, пряталась по щелям и норам, а скорее всего, просто убегала от пятнистой нежити, как от сти-

хийного бедствия. За день до прорыва исчезли птицы, перестали щебетать невидимые глазу в высоте певцы, затем вороны с каким-то паническим криком полетели в сторону от Киева, затем утихли сверчки, кузнечики. Даже слепни и комары, нет-нет да и садившиеся на загорелую солдатскую шею, перестали докучать. Люди остались одни. Так взвод из двадцати пяти человек исподволь, незаметно для себя стал немногословным и тревожным лагерем. Токарь не видел, как именно прорвали их несложную оборону, они с Семеном уже вечером, возвращаясь из поредевшей Озерщины с водкой, слышали грохот крупнокалиберных пулеметов роботов ПР127, а потом и ручного стрелкового оружия. Побросав все, они бросились вначале к своим, но, не успев добежать, поняли, что стрельба стихает, отчаянно и бестолково захлебываясь взрывами гранат, обозначая конец ближнего боя. После этого они не помнили ничего, убегая в сумерках прочь от того места, где только что располагалась их часть. И вот теперь... теперь Токарь смотрит в свой прицел, ожидая возвращения товарища. Их инструктировали, что противник может уложить мордой в пол бойца с расстояния под сотню метров, может убить его через стену или сделать стариком, а еще хуже – обратить в себе подобного... Не сразу, почти через двое суток, плюс-минус... Плюс-минус...

По озерку пошла легкая рябь, солдат почувствовал, как, несмотря на жаркое сентябрьское солнце, по спине под нагретой гимнастеркой побежали ледяные мурашки. Рябь

утихала, сглаживаемая легким, почти неосяжимым ветром. «Хоть бы телефон был позвонить», – посетовал про себя солдат, но ведь телефоны как назло отобрали, чтобы не разводить панику. Чувствуя себя так, словно тело стало маленьким и сухим, Токарь наблюдал, как подрагивающая растительность стала показывать движение в его сторону. Интуитивно он понимал, что это, скорее всего, Семен, но не в силах был ослабить хват китайской снайперской винтовки QBU-88 калибра 5,56, невесть как попавшей к ним в часть, продолжал следить, переводя прицел от кустика к кустику. Наконец он разглядел знакомую гимнастерку и судорожно выдохнул, только сейчас поняв, что мышцы пресса были напряжены, словно камень, зафиксировав тело в неподвижном состоянии. Еще через несколько минут пыльный, но явно с посвежевшим взглядом Семен привалился к бревну с его стороны.

– Нормально, чисто все вроде, – выдохнул он, подавая полную флягу, борта которой приятно холодили руку. – Давай таблетку.

Токарь отложил винтовку в сторону и протянул пластиковую тубу товарищу. Семен открыл ее, бережно достал одну штуку, кинул во фляжку, закрутил и потряс несколько секунд. Посчитав, что этого достаточно, открыл и, сделав губы трубочкой, потянулся к горловине.

– погоди, – остановил его Токарь. – Дай постоять минутку, мало ли... Вдруг зараза какая живучая в озеро попалась. Поймаешь – поносом не отделаешься.

Семен молча согласился. Закрутил крышку и выжидающе уставился на товарища. Подождав несколько минут, пить почему-то сейчас стало хотеться меньше, Токарь кивнул. Семен открыл крышку и с сомнением посмотрел на белый дымок, вырвавшийся из горловины.

– Пей – неуверенно сказал он, протянув фляжку товарищу.

Глава 1. Москва

– Трофим Аристархович?

Чья-то широкая тень заслонила солнце, что почувствовалось даже через закрытые веки. Голос был мужской, вежливый и достаточно приятный. У Трофима екнуло в груди: он услышал знакомые нотки людей из системы, которые всегда немного похожи друг на друга, но не подал виду.

– Да... – ответил он негромко и приподнял очки, стараясь снизу вверх разглядеть обращающегося.

За спиной, а точнее, за головой силуэта ярко светило солнце, причем таким образом, что ослепленный солнцем Трофим видел только контур крупного человека.

– Станислав, – представился контур. – Прошу прощения, что отвлекаю вас...

– Трофим, кто это? – приподняла голову его жена Ольга и уставилась из-под широкополой шляпы на Станислава поверх солнцезащитных очков.

– Это, наверное, по работе, – стараясь не выдавать разочарования, сказал Трофим, но это не укрылось от слуха жены. – Что вы хотели, Станислав?

– Еще раз извините, но тут на связи ваш знакомый. Пожалуйста, поговорите с ним, – с этими словами мужчина подал трубку Трофиму.

Трофим сел вертикально на шезлонге и неохотно прило-

жил трубку к уху. Ну кто это мог быть? Он только-только начал переставать вглядываться в игру теней на земле, опасаясь трамплина или воронки, только-только перестал задерживать взгляд на колышущихся полупрозрачных занавесках, боясь увидеть за ними или в них электро, только-только перестал оглядываться и осторожно выглядывать за угол в новых местах, проверяя пространство на предмет чего бы то ни было, от мутанта до зомби, как вдруг эта трубка, от которой веяло чем угодно, но не тем покоем и комфортом, что окружает его сейчас.

– Слушаю... – хмуро сказал Трофим в трубку.

– Док? – раздался обрадованный, знакомый и неуместный сейчас хриловатый голос Якоря. – Здорово, Док! Это я – Якорь.

Трофим с трудом сдержался от того, чтобы подпрыгнуть. Привет из Зоны. Здесь, в Турции. Более неуместного варианта, наверное, невозможно было бы придумать, как будто звонок из другого измерения, с другой планеты.

– Здорово, Якорь, – улыбнулся в трубку Трофим. От Якоря можно не ждать свиньи, и если он сюда позвонил, то это явно не просто чтобы узнать, как тут дела. – Это шеф, – негромко сказал он жене и встал, намереваясь отойти подалее.

– Док, ты новости смотришь? – задал вопрос сталкер и, судя по звуку, затянулся сигареткой.

– Нет.

– Понимаю, я тоже не охотник до новостей с Большой земли, но тут другое, Док. Помощь твоя требуется. Гнус вышел из Зоны, накрыл Киев через Днепр... Их уже в Киев вышло, наверное, тысячи.

Трофим открыл рот, пытаясь переспросить, что это сейчас было сказано. Да, вот сейчас, секунды назад, но вместо вопроса из его рта вырвался лишь сдавленный сип. Якорь с той стороны трубки услышал это и замолчал, шумно затягиваясь и выдыхая в трубку. Трофим представил его усатое лицо с щелками глаз, смотрящих вдаль, сквозь стены или собеседника, которые он прищуривал, закрываясь от дыма, особенно в минуты серьезных раздумий. Наверняка он сейчас стоит, прислонившись плечом к стене или дереву, скрестив ноги, а на нем надета его маскировочная зеленая куртка с выгоревшим желтым пятном на правом рукаве, и когда он затягивается, нет-нет да и кидает взгляд на это самое пятно.

– Что? – наконец сдавлено переспросил ученый. – Когда? – тут же задал он второй вопрос, понимая, что теперь от вопроса «когда?» зависит гораздо больше.

– Пять суток назад, Док. Киева нет. Бомбили тактически-ядерными зарядами, вроде как зачистили, но зомби прут из окрестностей и по воде. Еще до того, как дошла новость о том, что гнус в Киеве, они разъехались на транспорте по Восточной Европе. Пограничники же для них не помеха. Теперь зафиксированы случаи в Молдове, Румынии, Болгарии, а там уже с Турцией граница... Понимаешь, о чем я?

Трофим молчал, слушая гулко стучащее в груди сердце. Руки и ноги потеряли свой вес, он сел на песок прямо там же, где и стоял.

– Москва как? – пытаюсь собраться с мыслями, спросил он.

В трубке послышался шорох зажигаемой спички, и, очевидно, новая сигарета полезла в рот Якорю взамен только что выкуренной.

– Москва пока нормально... только... – Якорь выдохнул горький дым, собираясь с духом, чтобы сообщить. – Только эти идиоты привезли в Москву Псараса, а он сбежал.

Сталкер тяжело вздохнул, словно в этом была хоть капля его вины. Трофим непроизвольно закрыл рот рукой, стараясь сдерживать чувства. К нему уже двинулся внимательный турок Мехмед с зонтом и подносом с прохладительным напитком, но был придержан еще одним крепким телохранителем из присланных приглядывать за ученым. Мехмед настороженно посмотрел на придержавшего его тыльной стороной ладони человека с внимательным взглядом профессионального убийцы, кивнул и скрылся в тени отеля.

– Это... это же... – стараясь подобрать слова, прошептал Трофим.

– Это амба, Док, – резюмировал за него Якорь. – Надо срочно выезжать в Москву. Семью отправь в Казахстан, считай, что к моим родственникам. Адрес я тебе дам, перебраться помогут. Билеты уже куплены. Уезжай скорее, пока все не

перевернулось.

Трофим не выдержал и громко завернул пару десятков слишком крепких для этой местности матерных словосочетаний. Его дети, игравшие неподалеку и никогда не слышавшие от отца ничего подобного, растерянно оглянулись на него. К ним тут же подошла мать и, подняв с песка, повела в отель. Ее женское чутье и интуиция безошибочно оценили ситуацию. Пусть она и не могла слышать, о чем именно разговаривали ее муж и его шеф, но она как-то поняла, что им нужно будет возвращаться домой.

– Этот Станислав, он кто? – наконец угрюмо спросил Трофим, спустя почти минуту молчания в трубку.

– Это человек Алексея Викторовича. Алексей Викторович... Ты его должен знать. Наша крыша и финансовое крыло. Там от него двое. Второго не знаю, как зовут, вроде военсталы бывшие. Они тебя охранять выехали.

– Охранять? – бессмысленно переспросил Трофим.

– Охранять. Давай, Док, собирайся. Я тут, видишь, чтобы с тобой поговорить, выехал за кордон, сейчас обратно надо. Вроде как Выброс будет через сутки, надо успеть вернуться.

– Хорошо, понял, Якорь. Сейчас своим объясню все и двинем.

– Давай, Док. Удачи. Ребята, кстати, с «мухами» оба, так что, если что, поближе к ним держитесь... Мало ли.

Трудно объяснить, сколько усилий стоило ему, глядя в

расширенные от ужаса глаза Ольги, объяснять необходимость прерывания отпуска и возвращения. Причем весть о том, что возвращаться в Москву мог только он, но никак не его жена с детьми, Трофим решил сказать лишь в аэропорту. А ей нужно было лететь не домой, а в незнакомый Казахстан, в небольшой городок Кустанай, где жили некие «считай родственники» Якоря. Они спорили несколько минут. Он уже начал проигрывать словесную баталию с женой под объявления диспетчера на нескольких языках о начале посадки на рейс Анкара – Москва. Трофим не находил достаточно веских доводов для убеждения жены в необходимости разделения семьи, и тут стоящий неподалеку Станислав тактично кашлянул, привлекая внимание ученого.

– Что? – нетерпеливо подошел к нему Трофим, думая совершенно о другом.

Его рассвирепевшая половина стояла в трех метрах, раздувая ноздри. На ее красивом лице ясно читались нежелание мириться с ситуацией и решимость во что бы то ни стало ехать, если уж так надо, но только со своим мужем. Станислав достал телефон и включил видеозапись, где с приличной высоты показывались кадры сожженных улиц, машин, разрушенных домов. Картина разрушений становилась тем сильнее, чем ближе подлетал снимающий все беспилотник к эпицентру взрыва. Воронка размером, если судить по отдаленно стоящим прямоугольникам фундаментов домов, от тридцати до пятидесяти метров в диаметре. Метрах в ста от

нее, за обгоревшей каймой берега, протекала широкая река.

– Это Киев. Через двое суток после появления первых зомби. Я не хотел вам этого показывать, но... вы же понимаете. В Москве может быть то же самое. Может, это убедит вашу супругу не терять времени.

Трофим похолодел, рассматривая жуткую картину разрушений, становившуюся все страшнее, по мере того как беспилотник пролетал над районом. Он не мог узнать эти места, поскольку никогда там не был, но сейчас и сами коренные жители этого города не смогли бы узнать районы, показывавшиеся под крылом аппарата. Вдалеке стала заметна еще одна воронка, вокруг которой бетонное обгоревшее крошево начиналось только через несколько сотен метров. Негнущимися пальцами Трофим взял телефон и подошел к Ольге, показывая видео с самого начала. Женщина с десятков секунд смотрела в небольшой экран с ничего не значащим выражением на лице, потом до нее дошло. Она зажала рот двумя руками и с ужасом посмотрела на Трофима.

– Это Москва? – с ужасом через обе ладони спросила она.

– Это Киев, Оля, – тихо сказал Трофим. – Но один из них уже в Москве. Я должен ехать туда, но не ты и не наши дети, понимаешь?

Ольга, в расширенных глазах которой стояли слезы и мольба о помощи, судорожно кивнула головой.

– Но как же ты?!

– Не теряй времени, Оля. Билеты уже на руках. Твой рейс

через полчаса. Пока в мире не началась паника, пока не отменили рейсы, надо улететь туда, где все еще безопасно. О тебе там позаботятся, я точно знаю, – Трофим выдохнул, с трудом веря, что это происходит наяву. – Постой, – сказал он сам себе, развернулся и подошел к Станиславу. – Ты из военсталов? – спросил он вдруг, глядя ему в глаза.

– Да, – ответил тот, на секунду смутившись.

– Кличка?

– Доход.

– «Муха» при тебе? – жестко спросил Трофим, забывая, что находится в аэропорту, в окружении цивилизации и гражданских людей.

Снова диспетчер начал объявлять о продолжающейся посадке на его рейс, но Трофим не слышал этого. Для него сейчас вокруг шумела Зона, где-то за спиной он ощущал трамплин, в воздухе висел смоляной запах прошедшего Выброса, а грудь холодила далекий вой кровососа. Военстал вздрогнул. Трофим протянул руку ладонью вверх, безоговорочно требуя артефакт.

– Это табельный... под подпись, – неуверенно сказал Доход, загипнотизировано глядя Доку в глаза.

– Прилетим в Москву, отдам другой. Быстрее.

Доход неуверенно потянулся к шее и снял висевший на веревочке артефакт в коричневом кожаном чехле. Трофим сдернул чехол, и знакомые до боли спрессованные и спянные осколки сборки нежным зеленым светом на секунду

осветили его ладонь. Он бросился к жене, которая стояла вся в слезах, прижимая к себе обоих детей – восьмилетнюю Владу и шестилетнего Максима.

– Оля, надень это и не снимай. Никогда не снимай, – сказал он, судорожно надевая на нее сборку и заправляя кожаный чехол за блузку. – Это «муха». Я рассказывал тебе про нее. Детей от себя не отпускай. Никому про нее не говори... – Трофим поцеловал ее в губы, обнял дочку, сына, замерев с каждым на несколько секунд.

Через несколько часов он уже был в вечерней Москве. Газеты и новости кишели фотографиями гнуса очень плохого качества, непонятными сенсациями на эту тему и прочей ерундой. Отмеченных пятнами зомби в некоторых заголовках называли пораженными чернобыльской оспой. В новостях не показывали кадры Киева, но постоянно говорилось, что военные силы всех стран выстраивают кордоны, блокпосты, медицинские центры. И то, и другое, и третье, как знал Трофим, не поможет против той заразы, что вышла из Зоны. Большинство людей, по крайней мере, в самолете и аэропорту Домодедово, все же обсуждали не эти новости, а погоду, певцов, какие-то легкомысленные сплетни и читали отвлеченные журналы, не воспринимая происходящее с такой ясностью, как это понимал профильный некробиолог Трофим. Оно было и понятно: то, что не касалось большинства обывателей напрямую, не касалось их вообще.

Сувенирный магазин с ожидаемым названием «Свобода» находился на улице Чкалова, практически у МКАД. Вывеска, нарочно сделанная блеклой и непривлекательной, подсвечивалась едва видимыми синими неоновыми фонарями. В это время, почти в девять часов, да еще и в пятницу, все заведения подобного типа были закрыты, но, само собой, только не эта точка. Трофима здесь ждали, и, стоило ему подняться по крыльцу, деревянная дверь открылась, и его встретил невысокий худоватый парень в очках, которого он уже видел однажды, когда передавал товар из Зоны.

– Здравствуйте, – коротко поздоровался парень.

– Привет, Володь. Рассказывай, – сказал Трофим, садясь на старый деревянный стул.

Здесь вообще все было сделано так, будто бы лавочка доживает свой век и вот-вот закроется. Старая мебель, тусклое освещение, деревянный прилавок и пыльные стеклянные полки с никому не нужным товаром. Прилавок негостеприимно перегораживал комнату примерно посередине. Сюда и правда редко кто заходил, а если и заходил, то больше случайно или из любопытства и в дальнейшем уже не испытывал никакого желания возвращаться. Но лавочка жила, разумеется, не за счет товара, лежащего на виду, а вся пыль, запустение и ущербность были лишь маской для хорошо отлаженного бизнеса, пункта приема и продажи артефактов из Зоны.

Трофим из принципа, будучи на отдыхе с женой, не смот-

рел новостей, а владельцы отеля и не пытались кого-то информировать о событиях в мире. Кроме того, элитное место отдыха подразумевало небольшое количество отдыхающих, а потому особо разговаривать и общаться с русскоязычными не было возможности, да и особого стремления.

– Чаю будете, Трофим Аристархович? – не дежурно спросил парень.

– Давай... Чай местный? – спросил Трофим. Попить чайку без сахара сейчас было бы в самый раз.

– Вода местная, заварка тоже, но зеленый лист оттуда, – отозвался Володя, удаляясь и скрываясь за прилавком внутри помещения.

Оттуда — значит из Зоны. Зеленый лист – одна из основ сталкерского чая. Сильно изменившаяся мята, выродившаяся, почти потерявшая запах, но взамен переставшая сохнуть, даже будучи сорванной и пролежавшей несколько суток на солнцепеке. Зеленый лист обладал вяжущим вкусом и повышал настроение, даже создавал легкую эйфорию во время чаепития. Трофим побарабанил пальцами по темному деревянному низкому столику, стоящему рядом с ним. На бортиках стола старый, еще, наверное, советский лак потрескался и обнажил сухую древесину, которую кто-то почищал изучающе ногтем. «Сталкеры, небось» – усмехнулся, глядя на это, Трофим. В глубине помещения негромко что-то шикнуло, и через несколько секунд появился «продавец» с кружкой чая, которую нес не на подносе, а обыкновенно, за ручку. Из

кружки торчала ложка.

– Сахар нужен? – спросил Володя, остановившись на секунду.

– Нет, спасибо. Давай рассказывай... – сказал Трофим, перехватывая горячую кружку и отпивая глоток.

Ложка крутнулась в кружке и с легким характерным звуком соскользнула по керамическому ободку.

– В общем, все страшно и нехорошо. Зомби вышли из Зоны, с юго-западной стороны. Вояки их сразу не разбомбили, не знали, с чем имеют дело. В итоге потеряли первыми почти сотню человек, потом дали время размножиться, потом профукали системы залпового огня, потом не смогли защитить населенный пункт, где почти десять тысяч душ обитало, а потом несколько тысяч тварей связали вояк боем, а другие, тоже несколько тысяч, вошли по руслу реки, прямо по дну, в Киев. Захватили его, еще и разъехались кто куда. Теперь и Крым, и Восточная Европа имеют гнус на своей территории. Но он еще не размножился, – коротко рассказал Володя, глядя в пол.

Было видно, что эти новости сильно волновали его. На его молодом, в общем-то, лице образовались глубокие морщины, лицо словно похудело, и в тусклом освещении магазинчика он казался старше лет на двадцать. Трофим сделал еще несколько глотков. Европа, Крым... черт с ними!

– У нас в Москве-то что? – сухо спросил ученый, внутренне напрягшись.

– Луку Псараса привезли в город и дали ему спрыгнуть в Москву-реку. Пока тихо. Государственные служащие ходят с «мухами» по всем темным углам круглосуточно, в две смены. Но пока, кроме бомжей, алкашей и наркоманов, никого, слава Богу, не встретили.

– Надолго ли? – спросил сам себя Трофим.

– А может, он утонул? – с внезапной надеждой спросил «продавец». – Вы же, Док, знаете их лучше всех! Он может утонуть? Говорят, он связан был полностью.

Трофим покачал головой. Чай чуть горчил, но это было даже приятно.

– Нет... утонуть не мог. Им даже органы не нужны, чтобы жить и питаться, – Трофим вздохнул. – Так мне что предлагают делать? Ловить его по Москве?

– Я не знаю. Думаю, завтра с вами свяжутся и сообщат, что и как... Или спросят, что и как делать. Я вам «муху» передать должен, – вспомнил парень. Подскочил и перевалился на полкорпуса за прилавок, где, шаркнув ящиком, достал артефакт.

– Еще одну дай, я у одного из... даже не знаю, кто такие, забрал для жены. Надо вернуть.

– Мы ему сами передадим, – неожиданно сухо и по-деловому сказал Владимир.

Незаметная, но понизившая температуру взаимопонимания пауза повисла в воздухе.

– Так ты из их конторы? – дошло до Трофима. Он удив-

ленно поднял брови и словно первый раз посмотрел на парня.

– Ну вы же понимаете, Трофим Аристархович, сюда кого угодно не поставят. Конечно, мы все связаны друг с другом, так же как и с вами. Я не так молод, как может показаться, мне тридцать пять лет, – улыбнулся парень. – Я из вольных сталкеров, списан, так сказать, по здоровью... Но помогли связи. Гипс как раз тогда только возглавил Свободу.

– Ну надо же... – в очередной раз удивился Трофим.

Его собеседнику от силы можно было дать лет двадцать, может, с небольшим. Трофим замолчал. Его опыт работы с людьми из конторы говорил, что эти люди, как правило, не те, кем кажутся на первый взгляд, и то, что они могут сделать, иногда выходит за рамки человеческой этики, по крайней мере, в его понимании. Неловкая пауза повторилась и затянулась.

– Так вы мне что, опять маячок подсадили? – спросил он, надеясь смутить собеседника.

– Честно говоря, Док, да, – сознался Володя.

– Куда?

– В подошву туфли. Можете не искать, ее только испаривать... – предупредил его действия собеседник.

– Да когда вы успели?! А... в отеле, – понял Трофим. Он отхлебнул из кружки, вытянув обе ноги вперед, прикидывая, в какой может быть маленький передатчик. – Ничего не скажешь, умеете работать, – покачал он головой. Вы еще, может

быть, и жене моей в сандалии вшили, и детям в трусики? – с усмешкой спросил он.

Владимир отвел взгляд и спрятал руки в карманы брюк. Еще несколько секунд молчания, когда хозяин помещения старался не встречаться с гостем глазами. Брови ученого поползли вверх.

– Вы что, серьезно вшили передатчики детям?!

Трофим отставил кружку на столике, открыв рот. Он в возмущении и изумлении смотрел на «продавца», не зная, как реагировать. Подобного наглого вмешательства в его личную жизнь и жизнь его семьи он не мог и представить.

– Да. Но посмотрите на это с другой стороны, Трофим Аристархович. Вы, равно как и мы, всегда сможете знать, где ваша семья. В нынешней обстановке, согласитесь, это немаловажно. Я уверен, многие бы заплатили, причем немалые деньги, чтобы в случае чего к ним без промедлений могла прийти помощь, а помощь может прийти быстро, только если мы точно знаем, где искать. Так что... Давайте согласимся, что это в наших общих интересах.

Ученый круглыми глазами смотрел на собеседника, который сейчас спокойно выдержал его взгляд. Наконец Трофим откинулся назад, выдохнул и двумя глотками допил остывший чай. Растерянно посмотрел сначала в сторону, потом в пустую кружку.

– Давай еще чаю, что ли... Как тебя там в Зоне звали?

– Одну минуту, Док.

Владимир снова превратился в вежливого и услужливого молодого человека. Проворно подхватил кружку и, отодвинув дверцу прилавка, ушел внутрь, где снова что-то шикнуло, и через десяток секунд вернулся с горячей кружкой чая, но уже без ложки.

– Дела минувшие давайте оставим в прошлом, Трофим Аристархович. У всех свои тайны и истории, я вам как-нибудь расскажу, кто я и чем занимался, но сейчас давайте подумаем, что мы можем сделать в случае появления зомби прямо на улицах Москвы.

Глава 2. Демоны

Темное подземелье сочилось влагой и духотой. На глубине вдоль стен одного из заброшенных тоннелей, словно трупы, лежали десятки людей, чьи лица и тела медленно, но верно покрывались проявляющейся коричневой сетью кровеносных сосудов, несущих больную кровь вместе с поселившимся в ней вирусом. Еще с десяток человеческих фигур находились и двигались тут же в темноте, разбиваемой всего двумя горящими толстыми свечами с коротким фитилем. Одетые в кожаную одежду либо голые до пояса, они не чувствовали холода и сырости, не нуждались в освещении, даже не дышали. Они следили за людьми, обращающимися в новую религию, становящимися в ней теми существами, о которых можно было только читать. Но сейчас эта новая религия обрела тело... человеческое тело с четкими, словно прорисованными, линиями вен на всем теле, за исключением верхней части лица. И один за другим перерожденные, слабые и почти беспомощные, под руки отводились по проходу налево, к шумевшему позади громоздкого сколоченного деревянного трона водопаду из нечистот, где вернувшиеся обретали силу, отбирая ее у бактерий и микроорганизмов бесконечного потока, питаемого большим городом.

Трон был пуст. Лука и его спутница Лилит, после того как обратили жаждавших перейти черту братьев Ворона, Креста,

Буера, Свина, Шакса и Воланда, стали часто выходить на поверхность ночью. Первых шестерых обращенных Лилит нарекла Первыми Демонами, остальные готы, не входившие в первый круг Лилит, нарекались Сумраками, сейчас их было по двадцать существ на каждого Демона, а Сумраки плодили всех остальных. Они уже создали первых Червей на бесконечных свалках вокруг Москвы. Червями становились почти все, легко и без всякой проверки на приверженность готическому течению и настроям. Бомжи, алкоголики, наркоманы, бездомные, нищие, калеки, попрошайки... За те несколько дней, которые были отпущены Луке и Лилит, Первым Демонам и Сумракам, Лука с трудом, но без всякой жалости учил их отдавать жизнь, восстанавливая другую, иссушая друг друга до полусмерти, и восстанавливаться, пользуясь поддержкой окружающих их Демонов. Забирать же жизнь они умели с первой секунды своего второго рождения. Этому их научил поразивший большую часть их клеток вирус. И теперь откровение, переданное Лукой Демонам и дальше, сыграло свою роль. Сумракам нужно было лишь исцелить двух-трех бомжей на свалке, используя огромный биологический потенциал миллиардов микроорганизмов в гниющих отходах под ногами, как к ним потянулись люди за избавлением от страданий, болезней, голода... Они честно предупреждали, что переродиться сможет не каждый, часть погибнет, но человек, доведенный до отчаяния, сломленный жизнью, разрушающий себя дешевым спиртом, иглой, газами, с

отчаянной радостью хватался за шанс хоть как-то изменить свое существование. И теперь на московских свалках лежали сотни перевоплощающихся, часть из которых никогда не оживет, разрушившись окончательно под силой колонии захватившего их вируса, но другая часть, почти половина, перерождалась, покрываясь зловещим рисунком, получая статус Червя. Переродившиеся, высосав жизнь из многометровых слоев помоев под ними, радостно смеялись, впервые за долгое время перестав ощущать боль во внутренних органах и пораженных конечностях, цирроз и ломку. Болезни и зависимости больше не властвовали над ними, теперь они сами могли убить любую болезнь вместе с носителем, теперь они сами были болезнью для всего живого. Легион Нечистого воскресал и прорастал из отверженных и сломленных. Нечистый, имя которого было Лука, становился богом на этих свалках, в этих сколоченных из мусора домах. Его имя проносилось шепотом, будущие Черви сами ползли к своему спасителю, о котором говорили Сумраки, дарящие его силу и знание, поскольку он был единственным, кто действительно принес им избавление от страданий, боли, холода, болезней. Он объединил их некой целью, которую они не могли еще знать, но точно чувствовали ее существование.

Десятки страшного вида бомжей долго стояли на кучах мусора неподвижно, вглядываясь в приезжающие мусоровозы, в топчущие и ровняющие мусор бульдозеры, под дождем и солнцем, днем и ночью. И каждую ночь их становилось

больше. Демоны открывали глаза.

Утром следующего дня Трофим вышел из своей квартиры в глубокой задумчивости. Вчерашний разговор с Владимиром заставил его задуматься о возможном местоположении Луки Псараса с учетом всех биологических и известных психологических особенностей существа. Раздумья над этим не давали ему покоя до середины ночи, только после разговора с женой, которая устроилась в незнакомом ей городе, он смог отвлечься от мыслей, успокоиться и уснуть. Очевидно, что времени было немного, вариантов существовало всего несколько. Либо Псарас погиб, и именно этим объясняется отсутствие инфицированных в Москве, либо он собирает, множит и копит силы, но для этого ему нужно место, где достаточно много носителей той самой энергии, которую так легко отбирают у живых существ мутировавшие клетки носителя. Облеты близлежащих зеленых насаждений, постоянное прочесывание и наблюдение за рекой не выказывали подозрительных явлений. Черных пятен не было, рыба не всплывала кверху брюхом, вода не меняла цвет. Химические и бактериологические анализы на разных отметках по течению реки не показывали отличия от привычного фона загрязнения. Подозрительные притоны, подворотни, куда полиция старалась не заходить, потому что местные обитатели, наркоманы и бомжи, не были нужны никому, даже в качестве бесплатной рабочей силы в тюрьме, просматривались по

несколько раз на день специальными сотрудниками. Ничего не было видно. Лука, этот страшный, по сути, ходячий мертвец, который давно должен был бы умереть еще в подземельях Зоны, который организовал беспрецедентное побоище, объединившее силы всех сталкеров Зоны, возможно, сгинул здесь, в Москве... Трофим грустно хмыкнул. Было бы хорошо, если бы вдруг так оно и произошло, но, пока не доказано обратное, нужно считать его живым.

Ученый свернул на неширокую, но длинную привычную улочку, где располагался ряд магазинов, стояли бабки с цветами, околачивались попрошайки, играя на гармошке, или просто грустили перед коробкой, в которой валялась рублевая мелочь. Трофим почувствовал, что ему нужно сесть. Осмотревшись, он выбрал свободную скамейку, у ножки которой, заглядываясь на прохожих, топтались два голубя. Сентябрьское солнце здесь, в Москве, по-другому грело и даже обжигало кожу. Трофим расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и глубоко вздохнул, наслаждаясь движением потоков людей, отдаленными звуками машин, которым проезд по этой улочке был закрыт, и чириканьем воробьев. Справа от него расположились несколько бабок с корзинами цветов, напротив доброжелательно распахнул двери продуктовый магазин, у которого сидел подвыпивший бомж с гармошкой за спиной и битой алюминиевой тарелкой перед ним, слева стояли несколько почти пустых скамеек, на которых из-за чего-то дрались воробьи, да пара газетных ки-

осков, в которых не было видно продавщиц, очевидно, сидящих ниже прилавков со своим вечным вязанием непонятных вещичек. Мимо протекал люд. Кого здесь только не было! И юные девочки-абитуриентки, и работяги, и приличные матроны с габаритами от ста пятидесяти. Громко переговариваясь, прошла группа музыкантов с длинными волосами в пучке, в футболках и кожаных куртках с железными клепками, в банданах с яркими рисунками черепов и с гитарами в чехлах. Еще и еще пестрый, разномастный люд со своими делами, заботами, разговорами. Из магазина вышел еще один музыкант ростом выше среднего в широкополой шляпе, зеркальных очках, черной кожаной одежде и, несмотря на жару, в перчатках. Его рот закрывал шейный платок, отчего он немного напоминал сталкеров. Незаметно для себя Трофим засмотрелся на него, в конце концов, такой новый стиль в молодежном движении был для него новинкой. Музыкант присел на корточки рядом с бомжом, что-то сказал ему, бросил монетку, потрепал по плечу и ушел.

Трофим проводил его взглядом и снова уставился на поток проходящих людей, коротких юбок, стальных брюк, подолов, джинсов, туфлей и кроссовок. Захотелось пить. Он уже собрался было встать, чтобы зайти в магазин, как вдруг его взгляд упал на бомжа. От увиденного пить ему перехотелось совершенно. Бомж был мертв. Он сидел, уронив голову на грудь, и как будто бы спал, но иссохшие руки, потемневшая и будто истонченная кожа лица обожгли Трофима хо-

лодом понимания. Он видел примерно такие же тела... там, в Зоне... именно так и убивали зомби, истощая и превращая в мумию. Судорожными движениями он полез в карман брюк, где лежали ключи от дома, к которым был привязан брелок. Особый брелок из магазина. Трофим нажал на кнопку посередине, включая тревожную сигнализацию, и теперь все агенты спецслужб, направленные на поимку Луки, устремились к нему. Именно сейчас Владимир, сидевший за монитором ноутбука в сувенирном магазине, подпрыгнул на метр, едва не ударившись головой о низко расположенную лампу. Именно сейчас на выделенных каналах планировалось оцепление района, вылетали из гаражей бронированные джипы, полные бойцов с хмурыми взглядами и артефактами на груди, именно сейчас несколько беспилотников, застыв на разных высотах, взяли в объектив Трофима и близлежащие окрестности. Ученый вспомнил что-то и достал из нагрудного кармана наушник, замаскированный под дешевый слуховой аппарат.

– Док, Док, это Владимир! Что случилось? – слышался задыхающийся от волнения голос. Трофим задумался на мгновение. – Если не можешь говорить, покажи, я вижу сверху!

– Они среди нас, Володя...

Гробовое молчание в эфире.

– Как ты вычислил, Док?

– Напротив меня у дверей магазина труп. Видишь? – не

двигаясь, ответил Трофим.

– Ты уверен, Док?! Может, это приступ?

– Это не приступ. Это не Лука... Это кто-то из его свиты, – медленно и негромко сказал ученый, понимая весь ужас ситуации.

Надежда на то, что все обойдется, что Лука Псарас все-таки не выжил, не оправдалась, и теперь счет идет на дни. Возможно, нужно будет эвакуировать весь город и бомбить Москву тактическими ядерными зарядами. Правительство-то давно снялось с города, а залы со сценами заседаний и совещаний можно поставить и в бункере. А население пока еще ни о чем не подозревает, эти-то люди и станут первыми зомби в городе. Холодной волной поднималась злость. Миллионы невинных... огромный мирный город... в огонь, если только они не вырежут эту заразу подчистую.

– Высокий, одет в черную кожаную одежду, шляпа, очки и платок на лице, перчатки. Ушел налево от меня минуты три назад. Проверьте морги, ищите тела с признаками истощения. Откуда прибыли, друзья, знакомые, ищите, – негромко диктовал Трофим.

– Уже. Уходи оттуда, Док, наши скоро будут, тебе лучше не светиться при таких событиях.

Трофим поднялся. Вдалеке уже слышался вой сирен, рядом с трупом бомжа как бы незначай появился крепкий мужчина в шортах, футболке и кепке, сжимающий свернутую газету в руке. Он загородил тело от потока, лишь на се-

кунду встретившись взглядом с ученым. Трофим пошел и больше не оборачивался.

На следующее утро, которое норовило зарядить мелким унылым дождиком в окна автомобилей, он уже был в сувенирной лавке, оборотная табличка за стеклом которой гласила: «Закрыто». Теперь он зашел далеко за прилавок, в ожидаемо приличных размеров помещение с большим столом посередине на тумбах с выдвигаемыми ящиками, на котором проецировалась карта города, несколькими мониторами и оружейными шкафами под старину, но, само собой, старинной внутри и не пахло. Даже не заглядывая, можно было уверенно предположить, что там находятся те самые экспериментальные пушки, которые попадают на прилавок и Сидоровичу, и другим торговцам для испытаний в самой жесткой и непрощающей среде – Зоне. Да еще и сталкеров вынуждают тратить на это свои кровные... Ничего не скажешь, бизнес. В помещении также находились пара простых письменных столов, несколько стульев, книжный шкаф без дверок, стойка-вешалка и складные ширмы возле дивана.

На проецируемой из нескольких проекторов сверху карте виднелись яркие красные пятна. Пятна располагались большей частью ближе к западной части города, хотя было несколько и с восточной.

– Красным отмечены места, где были найдены характерные трупы, – пояснил Владимир, когда Трофим был готов к

разговору. – Всего восемьдесят шесть человек.

Владимир был одет в серый в вертикальную полосу костюм и светло-голубую рубашу. Трофим же явился в синих джинсах, красной футболке и джинсовой жилетке с множеством карманов, которые были забиты всякой всячиной.

– Значит, гнездо где-то здесь, – сделал очевидный вывод Трофим. – Это что, Можайский район?

– Да, Док. Мы уже вчера начали проверку всего и вся, бросили туда почти всех наших защищенных оперативников. Поймали одного, но это пока ничего нам не дало. Но, Док, я не для этого попросил вас сюда приехать. Физическую работу и дознание мы оставим нашим парням, а от вас бы я хотел как от специалиста, имевшего дело с этими зомби, узнать про их суть. Нужен, если хотите, психологический портрет. Может быть, это поможет нам понять их способы охоты, распространения и предугадать шаги. Вы сможете сделать это?

– Я попробую, – ответил Трофим.

Хозяин помещения указал ему на один из экранов.

– Здесь запись процедуры дознания одного из пораженных. Я бы хотел показать вам ее, но не сейчас, а позже, после того как вы составите их портрет и описание. Итак, вы начните, я буду уточнять по мере поступления информации. Наш разговор, разумеется, записывается и будет прослушан специалистами практически в онлайн-режиме, но, – успокаивающе предупредил Владимир, – вы можете говорить все что угодно, материться, плевать, посылать всех к чертям,

все что угодно, если это поможет нам лучше понять, с чем мы имеем дело. Давайте присядем. Если хотите, я приготовлю чай.

– Нет, чаю не надо, – сказал ученый, усаживаясь на стул под старину.

– Начинайте. Что вы о них думаете? – спросил «продавец», а в действительности специальный сотрудник, сядясь напротив, сложив руки вместе и положив их на колени, одновременно слегка наклонившись в сторону некробиолога.

– Вы о Псарасе или о тех, кто называет себя Братством и захватил Киев?

– Пока о Псарасе. На наше счастье, Братство двигает на запад, а не на восток. Мы помогаем в той стороне чем можем, но прежде всего защищаем свои границы. Мы стянули огромные силы к границам, выжгли пояса безопасности – огромные, в десятки километров, пространства, на которых еще нескоро объявится что-то живое. Работы продолжают-ся. То же самое мы делаем и на границе с Китаем. Сейчас вообще все страны жгут и травят свои территории, только в Европе на такое все еще не решились. Они считают что... В общем, Бог его знает в действительности, что они считают, но принимаемые ими меры явно недостаточны. У них много своих сложностей: плотность населения, протесты, мало свободного места, особенно под обеспечение мертвой полосы, недостаточно решительное управление. Наше положение было бы значительно лучше, если бы не своя угроза в сердце

страны, – «продавец» вздохнул, и это получилось довольно искренне.

Трофим pokrutil головой, ожидая увидеть глазки камер, но, как и следовало ожидать, ничего подобного не увидел.

– Лука Псарас, наверное, уникальный носитель, – начал он. – Я думаю, что он смог в какой-то мере выбраться из-под воздействия вируса. Ночью я изучил все материалы и записи, сделанные при его транспортировке, которые вы мне выслали, и должен сказать, что изменения объекта поразительны. Он владеет своим сознанием и отличает его от потребностей зараженного организма. Можно сказать, что психологически он вернулся к нормальному человеческому мышлению. Он способен справляться с приступами голода, адекватно разговаривать с людьми на отвлеченные темы, но пищеварительная система, очевидно, утеряна навсегда, так же как и внешний облик. Его клетки, насколько я понял, в силу продолжительного нахождения на грани голодной смерти полностью захвачены вирусом, клетки самого носителя, которые могли бы служить накопителями энергии, утеряны, и теперь он, наверное, на девяносто процентов скопированная версия прежнего Луки Псараса, – Трофим наклонился вперед к внимательно слушающему его «продавцу», произвольно повторив его позу. – Я склонен считать, что не только его воздействие на жизненные формы сильнее, чем у обычного зараженного, но и человеческие, волевые, эмоциональные критерии и установки в разы прочнее, чем у остальных,

и даже наверняка сильнее, чем у нас с вами, чистых людей, не зараженных никаким вирусом, – Трофим вдруг вспомнил о чем-то и осекся, что, конечно, не ускользнуло от Владимира, но он не подал виду, что заметил это. – У нас, у чистых людей, – задумчиво повторил некробиолог.

– И в связи с этим считаете ли вы, что он представляет большую угрозу, или мы можем не ожидать такой беспрецедентной агрессии со стороны зомби? – спросил Владимир.

– Наверняка он представляет не меньшую угрозу, в силу того что владеет своим сознанием и не склонен совершать ошибки. Судя по тому, что безудержное наступление зараженных еще не началось, либо у него ограниченные возможности к распространению вируса, либо он сознательно не расширяет свою колонию. В конце концов, прошло уже больше недели, с тех пор как он оказался предоставлен сам себе, а за это время в условиях плотного города он мог бы заразить десятки человек, те через пару дней сделали бы сотни, сотни через пару дней сделали бы тысячи, а тысячи уже не были бы так незаметны, – Трофим вздохнул, задумавшись на секунду. – Думаю, что Лука сейчас стоит на стадии вынужденного сдерживания своей колонии. Возможно, он уничтожает некоторых из своих зараженных, чтобы не допустить хаоса в Москве. В конце концов, у него же были свои привязанности. Я лично передал ему фотографию его дочери... Думаю, это вывело его из полубессознательного состояния и частично активировало участки памяти, что дало дальнейшее вос-

становление и даже развитие интеллекта.

На минуту оба замолчали.

– Так вы думаете, он не будет уничтожать нас, как это делает Братство на Западе?

– Я не могу сказать за него или взять на себя ответственность утешительного прогноза. В любой момент любой из зараженных может потерять контроль над собой, нарушить какие-то внушенные ему Псарасом установки и начать разносить инфекцию направо и налево. Я считаю, что картина мира зараженных формируется заново. Я видел, как сталкеры-одиночки, годами не признававшие никакого авторитета над собой, становились просто элементами Братства. Узнавали своих друзей, но не признавали ничьих доводов к осознанию своего положения, кроме внушенных им установок. Даже умирая от голода, они призывали сталкеров перейти на их сторону. Действие вируса на мозг крайне мощное, он подавляет все остальные инстинкты, включая инстинкты самосохранения. Единственная цель вируса – найти нового носителя и расширить ареал своего обитания, для этого он использует память и возможности носителя, позволяя ему самому определять, как лучше заражать людей, либо заражающий определяет роль зараженного в его системе. Все служит одной цели. Суть всех вирусов одинакова. Все, что они видят перед собой, – это лишь новые возможности для существования, поэтому рано или поздно в Москве вспыхнет эпидемия.

– Я вас понял, Трофим Аристархович, – негромко сказал Владимир. – Стоит ли нам повторно вести переговоры с Псарасом или уничтожить его при первой возможности? Ведь он все-таки сдерживает развитие колонии, обезглавив его, мы рискуем тем, что размножение зомби станет бесконтрольным.

– Вы должны знать, что оно рано или поздно станет бесконтрольным. Я профильный некробиолог. Я работаю с вирусами, активирующимися при характерных некробиотических изменениях в организме. При жизни человека это не влияет на его поведение. Вирус постепенно заменяет клетки начального тела носителя своими. Он берет на себя часть функций организма, встраиваясь и запоминая последовательность срабатывания нервных импульсов, поскольку становится этим организмом, но при этом он не влияет на сознание. Даже после смерти он не позволит мозгу разрушиться и будет пользоваться воспоминаниями, умениями, инстинктами, сохраняя дееспособность оболочки. Он не позволит телу убить себя и его голодом или влезть в аномалию. Если кто-то будет покушаться на тело, он будет защищаться теми способами, которые сохранились прежде всего в моторной памяти носителя. Этим и отличается некривирус от разработанного штамма в подземной шестой лаборатории. Вирус из подземной лаборатории берет управление живым организмом на себя полностью. Этот вирус может паразитировать только на живом организме, кроме того, его возможности к

внедиапазонной частотной синхронизации на порядке мощнее, чем у некротических объектов третьей категории. Третья категория колонии в настоящий момент самая развитая из стабильных колоний в Зоне. Конечно, были зафиксированы и четвертые категории, но они довольно неустойчивы, поскольку...

– Трофим Аристархович, – мягко перебил его Владимир, – я понимаю вашу профильную увлеченность этими самыми зомби, но давайте вернемся к нашим баранам. У нас очень мало времени.

– Да-да... Я просто... Да, конечно. Что вы хотите еще услышать? – пришел в себя Трофим.

– Итак, подытожьте для всех нас, пожалуйста. Мы уже поняли, что вспышки не избежать, но какая философия или психология у носителей этой заразы, у этого, как его называют сталкеры, гнуса. Ведь у каждого живого существа есть своя модель поведения. Что мы можем ожидать в первую очередь? Какая политика у этого вируса?

Трофим растерянно моргнул и едва заметно пожал плечами.

– У вируса не может быть политики. Это всего лишь цепочка ДНК, РНК со своими в настоящий момент не разгаданными механизмами заменять собой генетический код клеток хозяина, в основе которого лежат сверхвысокие, внедиапазонные частоты электромагнитной природы. У вируса не может быть политики. Мы все для него лишь незаселен-

ные территории, которые будут служить ему либо питанием, либо почвой для размножения. Не надо считать, что человек, зараженный этим вирусом, будет иметь собственные желания, и пытаться разглядеть человека в оболочке, он всего лишь ищет возможность выполнить поставленную ему задачу – распространение генома и исключение конкурентов в пищевой и репродуктивной среде.

– М-да... – протянул «продавец». – Выходит, война до последнего человека?

– До последнего живого микроорганизма, – поправил его ученый. – Вы знаете, что происхождение вирусов до сих пор не выяснено?

– Да, мне про это говорили ваши коллеги, – было видно, что Владимиру не по себе от проведенного разговора. Очень сложно смириться с тем, что ты являешься не более чем «незаселенной территорией».

– Очень может быть, что вирус – это конечная эволюция предыдущих биоценозов в планетарном масштабе. Он появился еще до того, как возникли первые одноклеточные. Возможно, он уже неоднократно уничтожал все живое до нас, – сказал некробиолог, и от его взгляда Владимиру стало не по себе. – Мы просто выкопали его каким-то образом, возродили в пробирке... Дали ему мишень, помогли эволюционировать... – некробиолог сокрушенно вздохнул.

Несколько секунд «продавец» смотрел на ученого. Серые волосы на его голове привстали дыбом, воротник светло-го-

лубой рубашки будто подпрыгнул на напряженных плечах, руки, до этого просто лежавшие ладонью друг в друге, сжались до побеления, лицо стало неподвижным, словно каменным.

– Ты знаешь, Док, – внезапно перешел на «ты» Владимир. – Я уже лет десять не был в Зоне, но сейчас, клянусь, я почувствовал ее позади тебя.

Он нервно расстегнул, практически сорвал верхние пуговицы с рубахи, вскочил и подошел к выдвигаемым ящикам стола. Он заметно побледнел, и, казалось, тихая истерика била его изнутри. Трофим видел подобное. Это следы Зоны, однажды заглянувшая в душу, она навсегда внушила ему страх. Такие сталкеры не могут находиться в ее пределах, не свихнувшись или бессознательно не покончив с собой в аномалии. Владимир громко звякнул стаканом о бутылку, доставая их из ящика. Резко, с хрустом сорвал крышку и трясущейся рукой налил до краев. Не поворачиваясь к Трофиму, негромко выдохнув, он в несколько глотков жадно осушил стакан, словно это была просто вода.

– Как тебя кличут, сталкер? – негромко спросил Трофим.

Владимир вздрогнул, словно его застали врасплох. Голова вжалась в плечи, словно на него навели оружие.

– Моль.

– Я знал одного сталкера по кличке Моль, – усмехнулся Трофим совпадению. – Тот Моль – напарник Якоря.

– Ходит в старом комбинезоне «Сева» ранней модифика-

ции? – спросил его «продавец».

– Да. Как ты узнал?

– Это мой комбинезон. Я его продал мужичку, чтобы собрать денег на выход из Зоны. Комбинезон счастливым был, всегда меня из всех неприятностей вытаскивал, я так тому мужичку и сказал... Его, видать, за меня после и приняли из-за комбинезона. Вот еще на одну «моль» стало больше, – улыбнулся Владимир и только сейчас повернулся к Трофиму лицом.

Теперь Трофим видел, что это был далеко не парень, это действительно был сталкер, отмеченный Зоной, печать которой, как пулевое ранение, нельзя ни стереть, ни замазать, ни залечить окончательно. И тот, кто уже получил подобную печать, всегда увидит ее на другом. Несмотря на этот элегантный серый в полоску костюм, светлую рубаху и лакированные туфли, если закрыть глаза, легко можно было представить его среди серого тумана Зоны, с влажным холодком ужаса и едва слышной дикой пляской легконогих слепых собак, пронсящих мимо схоронившегося от преследования сталкера.

– Еще стакан есть? – спросил некробиолог.

Глава 3. Сумрак

Через короткое время, когда душевное равновесие «продавца» восстановилось, Владимир и Трофим продолжили работу. Теперь они разместились напротив экрана, где Владимир включил запись. В хорошо освещенном помещении сидел тощий нагой парень, весь исчерченный коричневыми линиями вен, с воткнутыми прямо в грудную клетку электродами, провода от которых уходили за камеру, на голове была шапочка, снимающая показатели активности участков коры головного мозга, в руки и ноги были вставлены капельницы с непомерно толстыми иглами, в которые и из которых постоянно шел раствор.

– Он называет себя Сумраком. Наши дознаватели нашли, как можно стимулировать хоть какие-то ощущения, приближенные к болевым, чтобы добиваться от него ответа. Мы заполняем его солевым раствором и принудительно запускаем электрическим разрядом сердце. Очевидно, движение жидкости, которое убило бы нормального человека в сотни раз меньшим количеством, убивает и клетки этого существа, но он тут же восстанавливается. Нам приходится держать наготове сотни овец, чтобы восполнять его силы, в конце концов ему это надоело, и он стал говорить.

Лицо зомби было искажено гримасами, в которых читалась и ярость, и беспомощность, и даже определенный страх

за секунду до того, как глаза закатывались и его начинала бить судорога, а изо рта – идти коричневая пена. Он шипел и скрипел зубами, после чего обмякал. Очевидно, стимуляция сердца прекращалась. Еще через несколько секунд процедура повторялась, зомби стремительно худел, но продолжал кидать в камеру столь яростный взгляд, что было очевидно: он еще не готов к диалогу. Владимир перемотал десятки и сотни таких циклов. Попытки существа, судя по таймеру, продолжались два часа. За это время он десятки раз худел до состояния живого трупа, после чего вновь наполнялся жизнью, и процедура продолжалась. Колония вирусов не давала носителю погибнуть и восстанавливала его и свои силы, не спрашивая предпочтений носителя, из специально подготовленного живого существа, остающегося за кадром. Наконец «продавец» замедлил скорость камеры до нормальной. Было видно, что зомби бьет мелкая дрожь, а взгляд почти человеческий, за исключением желточного цвета глазных белков.

– Странный рисунок, совсем не такой, как у гнуса, которого я видел в Зоне, – задумчиво сказал Трофим. Его собеседник лишь пожал плечами. – Очевидно, изменения генома...

– Наши специалисты тоже пришли к такому выводу, но суть этой твари не меняется. Это все те же зомби, – сухо ответил Владимир. – Вот сейчас он заговорит.

Грудь существа поднялась, наполняясь воздухом.

– Что вам надо? – наконец сказал он.

Голос был отсутствующий и вялый, словно человека только что разбудили, и он все еще находится в полусне.

– Кто ты? – раздался голос за кадром.

Зомби усмехнулся, из уголков его рта вытекла струйка коричневой жидкости, которая ранее, видимо, была кровью.

– Я Сумрак...

– Это твоя кличка? – спросил тот же голос за кадром.

– Это мое предназначение.

– В чем твое предназначение, Сумрак?

Зомби промолчал и закрыл глаза, очевидно, отказываясь от диалога. Через несколько секунд пытка раствором и стимуляцией сердца возобновилась. «Продавец» опять перемотал циклы пыток, воскрешения и умерщвления, на этот раз прошло, судя по таймеру, десять минут. Лицо, искаженное страданием, снова начало смотреть в камеру.

– Ты понимаешь, что это может продолжаться бесконечно? – спросил голос за кадром.

– Я – Сумрак! Я поцелован Первыми Демонами. Черви – мое предназначение, я пложу Червей, – на этот раз его голос был сильнее, полный ярости, а изо рта вылетала коричневая слюна.

– Зачем тебе Черви? Кто такие Первые Демоны?

– Черви пожрут этот мир и отдадут его нам. Мы следующие по шагам Нечистого, – прошипело существо.

Владимир поставил запись на паузу и обратился к Трофи-

му.

– Смекаешь, Док? Плодит Червей, а сам от Первых Демонов. Чуешь, в какую сторону поворот?

Трофим с удивлением посмотрел на Владимира.

– Это что, новая идеология? Там Братство, тут... Черви, какой-то Нечистый, Демоны...

– То-то и оно, что Лука придумал им новую песню. С его-то прошлым. Кто бы мог подумать?! – Владимир усмехнулся и потер губу. – У нас там крепкие специалисты по дуракам и маньякам находятся, они эту картину вмиг раскусили. Погоди, дальше понятнее станет, – он снял запись с паузы.

– Это наш мир... наш... Нечистый ступил на землю...

– Кто такие Первые Демоны, Сумрак? – спросил голос за кадром.

– Первые Демоны поцелованы самой Лилит, принявшей дар от Лукавого...

– Ого! – не удержался Трофим. Владимир поставил запись на паузу. – Лука – это Лукавый?! Он же Нечистый? Во дает! – не то восхитился, не то изумился ученый.

Владимир лишь кивнул и снял запись с паузы.

– Это ваш Лукавый? – раздался голос за кадром, и, очевидно, узнику показали фотографию Луки Псараса.

Голова зомби затряслась, лицо исказилось, в глазах мелькнул жуткий, обезумевший, фанатичный блеск.

– Да! Да! Это он!

Зомби стал рваться из креплений кресла, к которому был

прикован. Очевидно, процесс усмирения был активирован тут же, потому что его вновь забила мелкая дрожь, и через некоторое время он как будто пришел в себя.

– Ты покажешь нам, где его найти? Нам нужно поговорить с ним, – сказал голос за кадром.

Зомби отрицательно с явным усилием покачал головой.

– Вы можете пытаться меня всю вашу жизнь. Я не скажу вам, где он. Мне приказали забыть дорогу в Чистилище, и я забыл. Мы делаем то, что нам сказано, – голова существа поникла.

Он был измотан и истощен, но, вероятно, именно сейчас, когда он был слабее всего, он был более доступен для получения сведений.

– Кто такие Черви? Где они? – спросил голос.

Зомби поднял голову, глядя страшными глазами в камеру.

– Черви сидят на трупах ваших городов, они войдут в ваши тела, и вы станете ими, вы будете Червями или кормом для нас. Я – Сумрак, вы все будете под моей пятой, вы будете моей паствой, вы будете моей плотью, а я вашей кровью! Вы все будете служить Нечистому!

По лицу Сумрака побежала змеистая улыбка превосходства, изо рта вновь полилась йодного цвета жидкость, он вдохнул воздух и захохотал, негромко и нерадостно, словно плакал. У Трофима побежали мурашки по коже.

– Это хуже, чем я думал... – негромко прокомментировал некробиолог.

– Кто такая Лилит? – продолжил голос, когда зомби смолк.

– Я больше ничего вам не скажу, – злобно прошипело существо. – Спасибо, что оставили мне зубы, я припомню это вам...

Его голова и челюсть задергались, и, прежде чем в кадр вбежали люди в пластиковых комбинезонах, он выплюнул коричневый язык на пол, после чего открыл рот и показал в камеру безобразно отгрызенный короткий обрубок языка, шевелящийся у него во рту. Трофим откинулся на спинку стула, ошарашено глядя на то, как люди в комбинезонах заваливают его вместе с креслом на спину и что-то начинают с ним делать.

– Это что, все? – спросил Трофим.

– И нет, и да, – Владимир выключил запись. – Язык мы ему обратно вставили, он прирос без всякой помощи, мы уже проверяли их регенеративные способности. Они превосходят все, что мы могли бы создать даже в перспективе, но разговаривать нам его больше не пришлось. В конце концов психика его сломалась, он превратился просто в овощ, либо он так притворяется. Мы почти убили его, но он не сопротивлялся больше и не реагировал на раздражители.

Трофим встал и провел рукой по волосам, которые, оказывается, привстали дыбом. «Черви, Черви... Вот первая опасность. Но где они могут быть? Если Лука размножался, то зомби должно быть сотни, а скоро и тысячи, между тем тру-

пов-то всего лишь около сотни, это совершенно не соответствует их биологическим потребностям... Хотя вирус помещал рисунок на теле носителя, возможно, это как-то связано с незначительным количеством погибших». Ученый не заметил, как подошел к столу, где проецировалась карта Москвы.

– У нас только один, но самый главный вопрос. Где могут быть эти Черви? – спросил Владимир, незаметно приблизившись к некробиологу.

– На трупах городов... – задумчиво произнес Трофим.

– Мертвый город, разрушенный город, после землетрясения, наводнения, урагана, эпидемии... – перечислял «продавец». – Это все метафоры, так же как и Первые Демоны, так же как и Лука – это Лукавый, он же Нечистый. Труп города – это то, что останется после них, наверняка он это имел в виду.

– Труп города – это мертвый город, разложившийся. Погибший и разваленный. Черви обитают в трупах, то есть город будет наводнен ими, или, может быть, они сейчас обитают в теле города, но где? Где достаточно питания, где достаточно биологической активности, чтобы сотни или тысячи зомби могли находиться до создания критической массы? – вслух размышлял ученый.

– Бесполезно, Док, наши специалист изучили ваши труды. Если они все правильно поняли, то нигде в Москве нет такого количества биомассы, чтобы прокормить незаметно для окружающей среды сотню этих тварей. Наши глаза с воз-

духа осмотрели десятки километров вокруг Москвы, никаких черных пятен, мы каждый день проверяем реку, все в одних и тех же параметрах. Их нет нигде. Даже если они под землей, там все равно нет столько жизни, чтобы прокормить предполагаемое количество зомби. Те восемьдесят шесть трупов за неделю – это вполне может быть трапеза одного-двух из них, но никак не десятка и тем более не сотни, – Владимир вздохнул и посмотрел на часы. Время было к обеду. – У меня тут в холодильнике есть приличные полуфабрикаты, консервы, можем разогреть или заказать что-нибудь поесть. Ты как, Трофим?

– Давай разогреем. Что там у вас есть? – махнул рукой ученый.

Есть не хотелось, но обед – это обед, и игнорировать его было бы глупо. Владимир вынул из холодильника какие-то красочные брикеты и двинулся к незаметно стоящей в углу у стола микроволновке.

– Фу, – раздался его голос. – Забыл вынуть, протухло теперь, – сказал он, вынимая что-то из микроволновки. – Теперь только на помойку.

Он аккуратно переложил что-то в пакет и положил на край стола. Трофим несколько секунд смотрел на нечто, завернутое в пакет. Скорее всего, это был кусок пиццы, который испортился и, наверное, дурно пах. «Для нас этот кусок пиццы пропал, а вот для них он только стал вкуснее... Интересно, сколько бактерий сейчас находится в этом пакете, на сколько

хватит этих носителей жизни этим самым Червям...».

Внезапная догадка ударом колокола пошатнула его.

– Моль!!! – заорал Трофим.

Владимир в секунду перетек из согнутого положения возле микроволновой печи в сидящее на одном колене лицом к ученому, а в его руке уже был пистолет. Глаза недоуменно смотрели на некробиолога.

– Свалки! Они на свалках!

Глава 4. Рок

Темные своды тоннелей, в которых двигались люди и нелюди. Десятки их стояли вдоль стен, другие двигались практически в полной темноте, зашнуровывая обувь, поправляя одежду, словно для их перечерченных мрачными венами тел это все еще имело значение. Другие лишь ждали своей участи быть выбранными Лилит для плана Хозяина либо для ее собственных планов. Возле деревянного трона стояла Лилит, свысока взирая на существ, которые переродились из людей в то, что противоположено самому понятию «жизнь». На троне сидел Лука Псарас, названный Нечистым и принявший это здесь же, в этих подземельях под Москвой. Чешуйчатое лицо, непропорционально длинные руки и ноги, острый нос и подбородок, лысая голова – все это делало его удивительно похожим на то, что рисовали здесь последователи оккультных течений, часть общества которых представляли готы. Они первые приняли Хозяина, приняли его частицу и теперь стояли вдоль стен, ожидая, когда им объявят об их предназначении. Рупором Нечистого была Лилит, его единственная спутница, отдавшая ему свою любовь, душу и веру, получившая взамен все, что она хотела. Лилит забрала его сердце, но определила его будущее.

– Вы мои братья и сестры, – начала Лилит, гордо подняв голову. – Вы Баньши и Вестники. Вы исполните план Хозя-

ина!

– Да, госпожа... – тихо, словно ветер, пронесся ответ.

Лилит сделала несколько шагов в их сторону.

– Вы проникнете в другие города. Вы принесете весть о том, что сердце их кровожадного солнца остановлено. Вы дадите людям облегчение, вы избавите их от голода и болезней, вы дадите им покой и бессмертие, – она сделала паузу, продвигаясь между рядами, сильная, уверенная и грациозная, словно хищное животное.

Лука откровенно любовался ее телом. Темнота и накидка не мешала этому, и он втайне улыбался, влюблено следя за покачиванием бедер и мягкими, вкрадчивыми шагами.

– Да, госпожа, – послышалось в ответ уже большее количество голосов.

– Вы начнете с тех мест, где страдание уже вросло в тела людей. Они заслужили того, чтобы быть Демонами. Демоны породят Сумраков, Сумраки породят Червей, Черви очистят эту землю! Вы, Вестники и Баньши, будете учить всех, кто последует за вами. Черви не должны сожрать больше, чем им разрешено. Черви не должны плодить Червей без ведома Сумрака! Наказание – смерть!

– Да, госпожа... – ответили десятки голосов из темноты, во тьме тела были едва заметны.

Лилит сделала паузу, развернувшись, стоя лицом к трону. Псарас встретился с ней глазами и попытался с такого расстояния вдохнуть ее запах. Ему это удалось. Лилит пах-

ла восхитительно и совершенно не так, как остальные. Он не позволял ей питаться из источника нечистот и голодать. Она всегда потребляла только красную, сильную человеческую жизнь. Для этого они часто покидали катакомбы, либо она забирала кого-либо из необращенных, приходивших сюда, чтобы обратиться. Молодых людей и девушек, желающих отдать свою жизнь госпоже, было очень много. Москва – большой город, а проститься с жизнью в объятиях Лилит стало мечтой многих готов, получивших такую мощную поддержку своих убеждений в виде измененных людей, называвшихся не в шутку, а в действительности Первыми Демонами, не боявшихся ни ножей, ни огня, ни пули. Способных убить любого их обидчика в секунды на расстоянии, только посмотрев на него.

Это шло ей на пользу. Она расцвела, глубокие черные глаза сверкали, словно два драгоценных камня, даже при этом тусклом свете. Линии вен на лице стали тоньше, но четче, лицо блее. Она была прекрасна. Она стояла перед внутренним взором Луки, даже когда он закрывал глаза. Он замирал с ней в обнимку и чувствовал, как само собой запускалось сердце. Когда он открывал глаза, вновь видел ее – нагую, восхитительную, смертельную и совершенную. Она была его наваждением и соблазном, его судьбой и наградой. Увидев взгляд Луки, Лилит спрятала счастливую улыбку. Ей снова захотелось выпить жизнь, а потом разделить полученную силу с любимым. Она поколебалась на секунду, выбирая,

кого из ожидающих в темноте парней или девушек опустошить сейчас, немедленно. Выбрав, она сделал вдох, и одно из тел, легко задрожав, почти бесшумно сползло вдоль стены, легкое, безжизненное, схваченное судорогой или внезапным окоченением. Лилит сбросила накидку на землю, оставшись нагой, и с кошачьей грацией приблизилась к трону. Через секунду она уже взлетела на Луку, обхватив его ногами. Не сдерживая наслаждения, она несколько раз вскрикнула. Затем, слушая, как одновременно вновь останавливаются их сердца, она спустилась с трона, откинув движением руки растрепавшиеся волосы. Минуту она прислушивалась к бьющимся сердцам еще живых парней и девушек, наблюдавших за всем этим из-за спин обращенных. Звук сердец не показывал страха, скорее всего, наоборот. Живые были влюблены в госпожу.

– Вы знаете, какие города ждут нашей власти, – обратилась она к ожидающим приказа зомби. В ее голосе зазвенели властные нотки. – Вы выдвигаетесь! Немедленно! Будьте сильными! – крикнула она.

– Иначе зачем нам быть! – хором крикнули ей в ответ женщины – Баньши и мужчины – Вестники.

Обращенные синхронно двинулись вперед, за трон, намереваясь использовать тот путь, по которому сюда пришел Лука Псарас. Через старые подземные проходы, канализационные трубы и Москва-реку дальше – в те места, в которых они еще не были, но которые были отмечены на картах. Лу-

ка ранее указал каждому, какие города являются мишенями для новых существ, призванных покорить мир, и теперь их план начал претворяться с негромкой поступью этих существ, внешне напоминающих людей.

Густая трава вокруг воинской части с сотней военных близ Кожанки была скошена на километр, а позже посыпана гербицидами в несколько слоев, и теперь все пространство вокруг нее было практически ровным, нагретым солнцем голым полем, источающим сладковатый запах химии. Солнце садилось где-то далеко, почти не скрываемое редкими облаками, заливая все глубоким закатным оранжевым соком. Сверчки и букашки исчезли вместе со скошенной травой, а вот ворон, с карканьем пролетавших обычно над частью, не было весь день.

Военная часть, усиленная роботами ПР127, также доукомплектовалась двумя вертолетами К50, регулярно делающими облеты по наводкам рассредоточенных наблюдателей. Штабные офицеры слушали новости. Новости были крайне скудны, а местами противоречивы. Зомби, с этим названием военные вынуждены были смириться, хотя все же часто использовали слово «гнус», были везде и одновременно нигде. Они могли появиться в каком-нибудь населенном пункте с числом жителей от полусотни и тут же исчезнуть. Само собой, стоило только новости пронестись над и так полупустым селом, из которого люди, несмотря на объявлен-

ную эвакуацию, не уезжали до последнего, как народ прыгал в автомобили и срывался прочь. Бегство продолжалось постоянно с разной интенсивностью, и проконтролировать и проверить каждого бегущего не было возможности просто физически, поэтому везде установили указатели, в соответствии с которыми здравомыслящий народ проходил блокпосты, а все остальные отстреливались вертолетами и поисковыми роботами. Но, как показала практика, блокпосты тоже ничего не могли противопоставить крупным атакующим группам гнуса, которые могли приблизиться незаметно для глаз ПР, пользуясь естественными укрытиями. Вот и сейчас к воинской части, которая стояла тут как опорный пункт, медленно двигались два белых автомобиля «Нива». Остановившись перед табличкой, люди вышли из них и под прицелом подкативших к ним ПР127 подняли руки, доверяясь осмотру сканеров медицинского блока. Получив отмашку операторов о том, что проход разрешен, они продолжили свой путь пешком, время от времени оглядываясь назад, на брошенные машины, или на то, что может быть за машинами. Несколько минут четыре мужчины и три женщины с двумя детьми шли до солдат.

– Откуда? – спросил старший лейтенант, вышедший навстречу.

– Из Софиевки, – ответил один из идущих и снова обернулся.

– Что там?

– Не знаю. Нашли соседа нашего Митяя в кустах. Уже пятнами покрывается. Плюнули на все, на коров, свиней, хозяйство... уехали, – сказал мужик и насупился.

– Документы при себе?

– Да.

– Смирнов! – скомандовал старлей. – Проводи гражданских в штаб, зафиксируй.

Пришедшие двинулись дальше, а старший лейтенант дрожащими руками вынул сигарету из пачки и нервно похлопал себя по карманам, ища зажигалку. Один из солдат подошел и предложил спичечный коробок. Нервно кивнув, офицер чиркнул спичкой, которая осветила его лицо в надвигающихся сумерках, и затянулся. Сплюнув, он прислонился к столбу ограждения, от которого уходило по кругу вокруг части несколько нитей колючей проволоки, и задумался, нервно выпуская дым. Докурив, он выбросил бычок и двинул обратно в штаб. Стоявшие на посту солдаты проводили его взглядом.

– Хреново дело, – сказал один. – Неужели теперь к нам сунутся?

– У нас вон роботы, вертушки. Степь на километр выжжена, генераторы, топливо, прожектора... Хрен им сюда, а не дорога, – ответил второй.

– Сожгли бы их уже зарядом, что ли... Вон в Киеве вроде бы спалили всю заразу.

– Откуда знаешь, что всю? Новости только там, в штабе,

знают, и то, только те, которые им можно.

Несильно подул ветер. Светило медленно закатывалось за горизонт, и небо со стороны Софиевки было уже гораздо темнее, чем за их спинами. Кстати негромко затарахтел мощный генератор, включились мощные прожектора на все триста шестьдесят градусов по окружности базы. Стало как будто бы спокойнее.

– Хотя, может, и спалили все. Там же еще эта... радиация, – продолжил второй. – Если здесь ядерным зарядом бабахнуть, так мы и всех людей положим, и скотину, и земли плодородные на десятки лет. Это же сколько убытков. Народ вон, видишь, до последнего на хозяйстве сидит, пока к ним уже в окна чуть лазить не начнут. Попробуй их убеди. Да еще и это... ядерная зима, если по всему миру ракетами пуляться начнут.

– Чего?! – удивленно протянул собеседник. – Ты чем в учебке слушал? Бред все это про ядерную зиму. Никакой ядерной зимы не будет. В то время, когда наши и американские ученые последствия считали, они не знали коэффициента осадения сажи, вот и приняли ее условно за ноль, с учетом того, что пересчитывать будут. Загрузили данные в компьютер, ждали-ждали, когда он посчитает, тот и выплюнул, что вечная ночь наступит. Сажа-то не осаждается, по его данным. Понял?

– Да ладно? – усомнился второй.

– Ага. А с учетом того, что ученые с обеих ядерных дер-

жав одновременно вычислили сей факт, да еще и обнародовали его сразу, он и прижился. Его и газеты, и журналы раскричали. Страшно ведь, народ покупает газеты, припасы в бункеры, бункеры копает, кому страшнее всего. Выгодно.

– А сейчас к чему пришли? – с откровенно глубоким интересом спросил солдат.

– К чему? Целых полдня будет пасмурная погода и ветрено, – отрезал первый.

– Тю... – разочаровано протянул второй. – Я-то думал...

– Я тоже думал, да в строй попал.

Первый вздохнул, затем, воровато обернувшись, достал откуда-то свой недобитый бычок и прикурил в кулак. Быстро сделав несколько затяжек, он выкинул бычок, стараясь попасть рядом с лейтенантским.

– Завтра с утра, я так думаю, вертушки полетят утюжить Софиевское. Гражданского там больше нету. Нам, главное, гнус за свою спину не пустить.

– Софиевку, а не Софиевское, – поправил его товарищ.

– Один ляд...

Позади послышалось негромкое «дзынь», раздались крики. Солдаты обернулись, развернув автоматы в сторону шума. Один из прожекторов с южной стороны погас, и через дырку в его корпусе с тыльной стороны тонкой струйкой поднимался дымок.

– Не понял... – не сообразил второй.

– Ложись, дурак, стреляют! – крикнул первый и присел на

корточки.

Тут же завертела винтами одна, а затем вторая вертушка. В штаб метнулись несколько человек. Еще один выстрел с большого расстояния погасил еще один прожектор. Вертолеты, определившись с направлением, поднялись в воздух.

– Так они что, еще и стрелять умеют? – изумился второй.

– Щас посмотрим, кто из нас лучше стрелять умеет, – процедил сквозь зубы первый.

Тем временем к месту предполагаемого движения противника двинулись ПР127, готовые изрешетить любого зараженного огнем крупнокалиберного пулемета или затащить на циркулярную пилу. Вертолеты уже начали набирать высоту, как вдруг заметный стремительный дымный росчерк в темнеющем небе поставил огненную точку в борту винтокрылой машины, осветив все небо взрывом и грохотом. Еще несколько ракет пролетело мимо, оставив дымный след, хорошо видимый в стремительно темнеющем небе. Поняв серьезность ситуации, другой борт начал снижение, но пущенный вновь залп из нескольких переносных ракетных комплексов настиг и его, заставив содрогнуться от взрыва и, перевернувшись в воздухе, рухнуть вниз, на разбегающихся от горящей машины людей. Взрыв вертолета и его боеприпасов уничтожил с десятков из сотни человек, зацепив больше палатку операторов ПР, заполнил все удушливым дымом и гарью, от которой сушило рот и разъедало глаза. ПР127 еще не доехали до места, где залегли стрелки, и не могли видеть,

что стреляющие зомби с крупными пятнами на лице, в военной камуфляжной одежде с отметинами пулевых попаданий, рваными осколочными прорехами, местами подпаленными, начали отползать назад, а из подлесков навстречу роботам устремились десятки машин, среди которых были и военные внедорожники, и обычные сельские джипы, и полицейские уазики. Кратковременная неразбериха в военной части, пожар, ранение почти половины операторов и разрушение компьютеров сыграли нападающим на руку. ПР, ожидавшие подтверждения огня по неидентифицируемым машинам, подпустили их слишком близко. Боевой логический алгоритм роботов разрешил открыть огонь по объектам, когда первый из них был сбит джипом, но и остальным запоздало открытый по машинам огонь не принес успеха. Большая часть внедорожников, двигаясь на максимальной скорости, налетела и опрокинула роботов, только некоторые автомобили были остановлены крупным калибром, просто крошащим двигатель в труху. Бегущие позади зомби, в которых явно угадывались бывшие сельские жители, покрытые безобразными коричневыми пятнами, разбивали бутылки с бензином о только поднимавшихся на гусеничный ход роботов и поджигали их.

Всего через пару минут первый гнус был у колючей проволоки. Неистребимая живучесть существ позволила практически без потерь прорваться через огонь, открытый солдатами. Несмотря на крупные калибры, гранаты и выливае-

мые в их стороны магазины боеприпасов, они влетели в часть без выстрелов. Легких холод потянул кожу одного из солдат, несколько минут назад судачивших о Софиевке. Он, до этого и не стрелявший по причине задымления от сгоревшего вертолета, почувствовал слабость одновременно с паникой. Какое-то древнее, не поддающееся контролю животное чувство возопило в нем об опасности, выплеснутый в кровь адреналин позволил ему вскочить на ноги, но он тут же рухнул на колени. Из него словно вытягивали струны души. Страх и печаль камнем придавили его плечи, усталость и обреченность сломили волю. Стоявший рядом боец упал лицом в песок. Зомби уже были в десятках метров, стоявший на коленях чувствовал это. Рвущееся в нем, как испуганное животное, сердце колотилось с такой силой, словно этот орган превратился в раскрученный двигатель, сорвавшийся с креплений, опрокинувшийся на бок и судорожно пытающийся выбить ребра изнутри с одним только криком: «Беги!!!». Но ничего не помогало. Сил не было даже на то, чтобы повернуть голову, разве что скосить глаза. Перед ним появился зомби, он перевернул его товарища на спину и закрыл собой. Лежащего бойца схватили за руки и потащили. Стоящему же на коленях, ничего не соображающему, но находящемуся в сознании сунули что-то постороннее в рот. Затем его подхватили под мышки и потащили – легко, словно он был куклой. В это время он понял, что выстрелов давно не слышно. В сумерках, освещаемых горящими винтокрылой машиной

и палаткой, уже никто не сопротивлялся. Всех тащили к тентованным армейским грузовикам. Кого за руки, кого за ноги. Среди зомби были и женщины. Растрепанные, в изорванных одеждах, испачканные дымом и несмываемыми бляшками вируса на лицах и открытых участках тела. Бойца, так же как и других, аккуратно положили на пол грузовика поперек. Еще несколько последних тел положили рядом, и тент захлопнулся, оставив незначительную щель. В кузов с ними сел еще один, очевидно, зомби в военной форме, чье лицо он видел в отсветах огня, просачивающегося через эту небольшую щель. Грузовик рыкнул двигателем и поехал. «Неужели все... Даже не больно...» – мысль была проста, нова и, как ни странно, смиряющая. Зомби повернулся к нему и, встретившись с солдатом взглядом, ослабился, обнажив здоровые ровные зубы, которые начали желтеть у основания. Грузовик набрал скорость и уверенно шел уже почти в темноте в колонне из других таких же грузовиков. Мерный ход, тряска и гул двигателя успокаивали, тело почти потеряло чувствительность, легкая тошнота и озноб прощальными сигналами сообщали о том, что вирус занимает новую территорию. Вдруг тент, закрывающий взор пленника от внешнего мира, вспыхнул в яркой ослепительной вспышке. Он непроизвольно закрыл глаза, но через секунду открыл, несмотря на боль. Тента уже не было, только горящие останки на металлических ребрах кузова. На фоне раскаленного до бледной синевы неба, разбитого сухими вертикальными молниями, во

всей своей безудержной мощи и власти восставал ядерный гриб, а в облаке обломков пока еще бесшумно их настигала гигантская ударная волна.

Глава 5. Распространение

Сегодня мир сошел с ума, он никогда уже не станет таким, каким мы его помнили. Бредящих и изменяющихся людей начали находить в центре Европы. Во Франции – в кустистых аллеях Эпиналя, в Германии – на заброшенных складах Амберга, в Италии – в кюветах пригорода Виченцы. В Варшаве сотня уже организовавшихся пятнистых устроили рейд по столице, хватая и заражая всех и каждого. Через несколько часов НАТО ударило по городу тремя тактическими ядерными ракетами. Новости взорвались паникой и ужасом. Люди бросали свое имущество, эмигрировали кто куда, но чаще выбор падал на Африку, где еще не было случаев заражения. Плыли на надувных лодках, катерах, парусниках, рыбацких судах и фешенебельных лайнерах. Турция закрыла границу танками и долговременными огневыми точками, недвусмысленно давая понять, что идти мимо указательных табличек с приказами вернуться удастся очень недолго. Авиасообщение между всеми странами было прекращено. Америка перекрыла доступ к своей территории всем морским и воздушным судам, постоянно сообщая в эфир, что пересекающие карантинную зону будут уничтожены без предупреждения. И они сбивали и топили. Весь военный флот Соединенных Штатов стоял на страже их вод. Десятки круизных лайнеров, переполненных людьми, ушли на дно, и ни один

из плавающих в спасательных жилетах в океанской воде не был подобран. Гражданские самолеты сбивались и ракетами, и авиацией. Все, кто был способен передвигаться по воде самостоятельно, срочно отчаливали в открытое море, набрав с собой провианта и оружия. Последовательные ядерные удары по местам с признаками присутствия гнуса оглушили мир своей жестокостью и невероятностью. Первые сутки никто не верил в подобные известия, считая это выхлопами желтой прессы, но, когда видео из независимых источников показывали остатки некогда цветущих городков либо выжженные гектары леса, неверие в происходящее становилось истеричным отрицанием. Однако это не меняло сути дела. Гнус оказался в Европе. Уничтожение столиц европейских государств либо безжалостным гнусом, либо ядерными ударами членов НАТО, о чем твердила Америка пока еще по закрытым каналам, становилось лишь делом времени.

Все, кто хоть как-то был знаком с математикой, быстро рассчитали, с какой скоростью может увеличиться количество зараженных только от одного инфицированного, а с учетом их рассудка, умения прятать перерождающихся, аппетита и практически невозможности уничтожения в населенных городах выходило, что несколько зомби в течение десяти дней превращаются в десятки и сотни тысяч зараженных, неистребимых и жутких тварей, имя которым пришло из далекой и никому не известной Зоны вокруг ЧАЭС – гнус. Теперь о гнусе говорили все. Фотографии с камер улиц, ви-

део бесполезных перестрелок, где зомби могли уничтожить только с большого расстояния из крупных калибров на открытой местности. Городская камера выхватывала вдруг в толпе идущих человека с плотно надвинутым капюшоном и в темных очках, на лице которого виднелось нечто напоминающее пятна. Исчезающие по неизвестным или вполне обычным причинам люди, которых полиция уже не пыталась искать, лишь делала записи в электронных отчетах, домашние животные, вдруг найденные мертвыми, черные клумбы или крайне редкие единичные деревья с черной облетающей листвой, возле которых молодежь легкомысленно делала селфи... Паника, паника и еще раз паника захлестнула мир. Островные государства закрывали порты и принимали только рыболовецкие или военные суда. Китай со своим полуторамилиардным населением выжигал стокилометровую зону между двадцатью двумя провинциями, щетинился пушками, роботами, ограждался минами и колючей проволокой, подписав договоренность уничтожить любую из провинций прямыми ядерными ударами при первых подтвержденных признаках появления гнуса. Страны Евразии срочно собирали все свои военные, строительные, гражданские силы и выжигали землю, копая, огораживаясь всеми доступными средствами от того, что скоро могло прийти и в их город, улицу, дом, постучаться в двери в виде соседа или друга с перекошенным пятнистым лицом.

А Москва уже начала первую зачистку от своей разновид-

ности гнуса. Полигон «Дмитровский», что на тридцать четвертом километре Дмитровского шоссе, сегодня ночью не получили ни одной машины мусора. Его шестьдесят с лишним гектаров мусорных куч в утренних сумерках, в тумане спешно перематывали колючей проволокой люди в специальных костюмах химической защиты. Они уже заканчивали оцепление, а сверху летели восемь ударно-штурмовых вертолетов К-серии. То же самое происходило и на мусорном полигоне «Хметьево», «Левобережном», свалке «Домодедово», полигоне «Кучино», полигоне «Сабурово». Информация о том, что зараженные дислоцируются на свалках, подтвердилась данными объективного контроля. Лазутчики, перекрытые артефактами «муха», под видом бомжей в рванье и рубище проникли на зловонные горы. Они видели зловещих, исчерченных жуткими линиями Червей, этих бывших людей, которые медленно ходили по горам, а иногда останавливались надолго, словно в забытии. Военная разведка не пыталась вести разговор с ними, но и само местное население, вопреки их опасениям, не преследовало незнакомых гостей на своих гнилых территориях. На каждом из полигонов было по несколько сотен уже переродившихся зомби, а под картоном, фанерами или просто присыпанные мусором ждали своего пробуждения еще сотни. Встроенные камеры, передававшие все в штаб, нередко встряхивались при виде открывшего глаза под светом фонаря наполовину засыпанного мусором Червя. Зрелище было жуткое. Трупы чаек и

ворон, иногда кучами лежавшие вокруг таких присыпанных тел, показывали, с какой целью зомби засыпал себя мусором.

Теперь за дело взялись военные. Всю ночь на позиции выходила тяжелая артиллерия, чтобы одновременными залпами накрыть указанные территории, сжечь их огнем тяжелых огнеметов и гаубиц, а вертолеты были призваны на рассвете отсекал всех бегущих со свалок и застрявших в колючей проволоке.

Первые залпы по всем полигонам одновременно начались без пяти восемь. Ревом взрывов и огня, крошевом осколков и безжалостно ломающими кости ударными волнами они мяли и рвали стонущие мусорные горы и кричащие нечеловеческим криком полигоны. Кто-то из существ находил в себе силы бежать, но таких было немного. Вертолеты и защищенные артефактами пилоты делали свое дело, уничтожая бегущих, ползущих в брызги, тряпочки и ленточки, лоскуты и облачка дыма, без признаков определения части тела. Свалки неохотно начинали гореть и чадить, черный дым смогом затянул Москву.

– Они нашли Червей! – глаза Лилит расширились, в них читались удивление, растерянность и даже некоторый страх.

– Они должны были их найти рано или поздно, – спокойно ответил Лука.

Да, он ожидал, что такое количество измененных людей рано или поздно будет обнаружено. Но уничтожить всех од-

новременно... Этого он не мог ожидать. Конечно, наверняка кто-то выжил, закопался в мусоре, был вне свалки, хотя это было запрещено, Сумраки следили за этим, но таких Червей наверняка остались всего десятки вместо нескольких тысяч, которые могли стать силой уже через день. Они находились в тонированном микроавтобусе и смотрели новости одного из центральных каналов, где транслировались кадры горящих гор мусора, работающих с воздуха по наземным мишеням вертолетов. Военные и дикторы говорили о том, что заражение, которому подверглись жители свалок, уничтожено вместе с носителями.

– Но что мы теперь будем делать? – Лилит глубокими сверкающими глазами смотрела на Псараса.

Ей лицо сейчас не имело ни следа заражения. Ни одна венка или развод не выделяли ее из окружающих. Это было несложно. Большое количество косметики, тонального крема, контактные линзы, и она, как и Первые Демоны, как и Сумраки, может спокойно передвигаться по Москве. Ее сестры и братья работают на своих местах в общественных заведениях, тату-салонах, посещают ночные клубы, слушают новости, готовят новых последователей для королевы Лилит и Нечистого Хозяина.

– Мы дадим Демонам насытиться красным. Сумраки поднимут уцелевших Червей, и мы будем пировать одну ночь. Всего одну ночь. Но досыта! Объяви Демонам, пусть готовятся выступить, – скомандовал Лука.

– Всего одну ночь? – Лилит выглядела расстроенной и озадаченной. – Но почему? Ведь мы можем забрать весь этот город себе прямо сейчас! Они не остановят нас. Пусть у нас нет Червей, но есть Сумраки и Первые Демоны, есть я и ты! Мы покажем им, кто здесь хозяин!

Лука отвернулся от экрана планшета, где транслировали международные новости. Речь прежде всего шла о десятках ядерных и тысячах неядерных массированных ударов по Восточной и Центральной Европе.

– Скажи мне, если мы обратим всех в этом городе, что будем делать потом? – спросил он.

– Мы... мы пойдем дальше... – вскинув подбородок, с вызовом сказала Лилит.

– Нет. Мы не сможем пройти дальше. Посмотри на это.

Лука уже уверенно управлялся с планшетом. Перелистнув несколько страниц, он показал ей фото разрушенного Киева, где целые районы были сожжены и разрушены до основания ядерным ударом.

– Нас уничтожат, – тихо сказал Псарас, чувствуя, как в Лилит угасает огонек жажды. – Мы не должны уничтожать город, как волк не должен уничтожать стадо овец. Иначе на завтра ему нечего будет есть, но волк может объяснить пастуху, что тот обязан приносить ему каждое утро овцу, и тогда все будет в порядке. Пастух будет служить волку, потому что волк может убить и его, и всех его овец. Поэтому только одна ночь...

Лилит согласно кивнула.

– Только одна ночь, Хозяин.

– Не называй меня так, когда мы вдвоем.

– Господин? – глаза Лилит озорно блеснули.

– Нет...

– Лука... Хорошо, любимый, всего одна ночь... – Лилит прижалась щекой к щеке Псараса, оставив на его лице светлое пятно косметики. – Я скоро вернусь.

Она открыла дверь микроавтобуса и вышла на почти пустую парковку. Пятачок, где располагался автомобиль, находился в старом тихом районе, где много старых деревьев и небольшие старые трехэтажные дома. На улице ее ждал желтый БМВ, хозяин которого отдал с десятков своих машин и дом за право стать Сумраком. Он им стал... почти. Лилит передумала обращать его, потому что он не казался ей искренним, он оказался трусливым и заискивающим. Она никогда не любила таких. Она бы предпочла, чтобы он дрался за свое или молчал, тогда бы она хоть чуть-чуть уважала его стойкость. Но этот был не из таких, он не был достоин того, чтобы стать хотя бы Червем... Он стал просто овцой, куском мяса в ряду ее ежедневных завтраков, обедов и ужинов. Скрипнув покрывками по асфальту, она уехала к одному из Первых Демонов, чтобы вернуться через пару часов.

Когда Лилит была в городе, она не убивала никого, как и все те, кто имел право жить среди людей. Все, кто стоял вдоль дороги, кто находился на ее пути, отдавали ей дань, да-

же не догадываясь об этом. Женщины испытывали страшные приступы мигрени, старики хватались за сердце, у крепких мужчин вдруг портилось настроение, и они могли сцепиться друг с другом прямо на дороге из-за пустяков, но сил, для того чтобы ударить друг друга как следует, не находилось... Их забирала плутовка на желтом БМВ, посмеиваясь и иногда хохоча от избытка жизненных сил, словно в наркотическом угаре. Лука проводил ее взглядом и нахмурился, снова обратившись к планшету.

Через полчаса Лилит, миновав незначительные пробки, была в подвальном тату-салоне на улице Василисы Кожиной, что возле ветеринарной лечебницы «Мовет». Салоном владел один из Первых Демонов – Шакс. Мрачная вывеска с замаскированными за надписями готическими символами привлекала и молодежь, и всех, кто связан с их темой. Эта точка была одним из официальных мест встречи представителей их мира друг с другом. Лилит, одетая в обтягивающую кожаную черную одежду, в обуви на высоком каблуке прошла мимо посетителей, которые рядами сидели или лежали, отдав руку, ногу или спину бьющему черепа, розы или символы смерти татуировщику. Она и сама приобрела своего сфинкса здесь под твердой рукой Шакса. О ее приходе знали, снаружи дежурил один из наблюдателей Шакса. Шакс – достаточно крупного телосложения мужчина чуть за двадцать лет, одетый по стилю в черное, с закрашенным лицом и прикрытыми линзами глазами. Он с поклоном встретил Ко-

ролеву. Его длинные волосы, убранные в пучок, фиксировались заколкой из человеческой кости с крохотным рубином в виде капли крови на конце. Он молча с поклоном открыл дверь во внутренние помещения их длинного подвала. Гости салона обратили внимание на эффектную красавицу в черном, от которой веяло скрытой силой, неосознаваемым и притягательным ароматом смерти, дикости и неукротимости. Большинство парней – посетителей салона – уже влюбились в нее с первого взгляда, а у девушек она вызвала зависть, восхищение и, возможно, уныние при сравнении себя с прошедшим мимо них совершенством.

Дверь за Лилит закрылась.

– Королева, спасибо что пришла, – еще раз поклонился Шакс.

Он сделал это достойно и без пафоса. Он действительно любил ее, почти как сестру, всегда был ее другом, а теперь был готов, как и все Первые Демоны, поцелованные ею, отдать за нее всего себя. И это не было просто словами. Комната, тускло освещенная единственной диодной лампой в углу, скрывала изрисованные стены, узкий черный диван вдоль стены, стол, заваленный неисправными татуировочными машинками и деталями к ним. Лилит подошла к столу и легко отодвинула груды хлама в сторону. Сев на освободившееся место, она перекинула ногу за ногу, опершись руками позади себя, и осмотрелась. Раньше ей это место казалось мистическим и полным сил, но теперь она понимала, что это лишь

комната в подвале, где недочеты отделки компенсировались недостаточным освещением. Впрочем, в освещении Демоны не нуждались.

– Скажи всем Демонам, соберите Сумраков. Сегодня ночью мы пируем. Только одна ночь, – распорядилась она. – Никого не должны узнать и найти после. После этой ночи мы плодим новых Червей. Они будут жить в городе. Сумраки займутся их воспитанием.

Шакс поклонился.

– Да, сестра.

Лилит выдержала паузу, ожидая, что, может быть, Шакс спросит что-нибудь еще. Но ее слова были равны словам Нечистого, и вопросы, которые могли бы возникнуть, были бы только для уточнения подробностей его задачи, только для того, чтобы не подвести Хозяина. Но в настоящий момент все было ясно и просто.

– Лилит, здесь есть два человека. Они хотят стать Сумраками, – поняв, что разговор по делу окончен, сказал Шакс.

– Хорошо. Что нужно от меня? – достаточно холодно спросила Лилит. – Неужели Первые Демоны не могут обратиться в Сумрака без меня.

– Нет, сестра. Здесь другое... – Шакс немного замялся. – Думаю, тебе нужно взглянуть на них.

Лилит с интересом посмотрела на него. Шакс не говорил глупостей. Если претенденты заслуживали ее внимания, значит, так оно и было.

– Говори, что там, – приказала Лилит.

– Это дети тех, кто жил на свалках. Дети тех, кого мы обратили в Червей. Они нашли нас, видимо, проследили за одним из нас, и уже два дня просят меня и некоторых других обратиться, но...

– Но? – спросила Лилит, приподняв тонкую черную бровь красивым изгибом, дополнившим вопрос.

– Тебе лучше посмотреть на них.

– Хорошо, – легко согласилась она.

Шакс еле заметно поклонился и вышел. Лилит нравились их отношения. Она вообще любила всех своих друзей, которых знала еще в той жизни, будучи хрупкой девушкой, иначе она бы не возвела в ранг Первых Демонов ни одного из них. Так уж получилось, что при встрече теперь они обращались к ней на «вы» – королева или госпожа, а наедине или в отсутствие посторонних спокойно переходили на «ты».

Через пару минут она почувствовала приближение трех тел, одно из которых было Шаксом, а два других – с бледновато-красным человеческим отливом. Дверь открылась, и первыми вошли двое подростков, плохо одетых, немых, по запаху, исходящему от них, можно было понять, что они действительно из мусорных гор. Очевидно, это были брат и сестра – голубоглазые белокурые близнецы в непонятных джинсах, растянутых грязных свитерах, под которыми угадывалась еще какая-то одежда. Лилит поняла, почему Шакс призвал ее остановиться на этих телах. Они не переживут

перевоплощения, они не годились бы даже ей на обед, разве что оба сразу... Устные правила гласили, что те, кто хочет прийти добровольно, могут рассчитывать стать Сумраками, но тут был другой случай. Подростки не могли видеть в темноте так же ясно, как и Демоны, но общий силуэт сидящей на столе Лилит, позади которой горела диодная лампа, по силе равная карманному фонарю, они видели. Лилит произвольно вздохнула, активировав застоявшиеся легкие. Легких хрип влаги в недостаточно используемом органе был похож на рычание. Раньше легкие просто сочились мокротой, но постепенно ее стало меньше, симбионтный с вирусом организм приспособлялся к изменяющимся условиям. Подростки опустили головы, но остались спокойно стоять. Было что-то обреченное и жалкое в этих узких плечах, худых спинах, опущенных головах и слабых руках. Постоянное недоедание и нищенские условия жизни делали свое дело, перестраивая человека в существо, которое по уже заложенным с детства правилам социума не могло стать равными другим детям, подросткам, людям. Они уже поняли это, приняв свою природу бомжей и нищих как должное.

– Сколько вам лет? – спросила Лилит, с незнакомой ей жалостью смотря на этих почти детей.

– Пятнадцать, – ответила девушка негромким, грубоватым от хронической простуды голосом.

Подростки выглядели лет на двенадцать-тринадцать. Явно недостаточное питание вряд ли позволит им вырасти на-

много выше нынешнего роста.

– Ему тоже? – спросила Лилит.

– Да. Это мой брат. Мы близнецы. Он не говорит. С детства. Его побили. Он Ян, – короткими предложениями, словно боясь чего-то, сказала девушка.

Лилит знала, что бояться они совсем не ее. Страх и забитость, заложенные им в сердце и душу с малых лет, сделали из них боящихся и, наверное, ненавидящих людей, но не боявшихся Демонов. Лилит горько усмехнулась. Как это было ей знакомо.

– А тебя как зовут? – обратилась она к девушке.

– Яна.

– Вы хотите стать Сумраками?

– Да, – ответила девушка, пытаясь разглядеть глаза той, которая в настоящий момент была живым воплощением богини, а стоящий рядом парень закивал, взяв сестру за руку.

Это движение не укрылось от глаз Лилит. Впервые ее глаза кольнула невидимая слеза.

– Откуда вы знаете про Сумраков?

Брат с сестрой, державшиеся за руки, переглянулись, и Яна, очевидно, получившая поддержку и согласие, начала.

– Наша мать стала... Червем. Дядя Женя, Максим... тоже стали Червями. Они перестали болеть. Им было хорошо. Они... – Яна замялась, подбирая слова. – Они... хвалили Королеву и... Нечистого. Они поверили Сумраку, который превратил их. Мы тоже верим.

– Хотите стать Червями?

– Нет. Мы хотим стать Сумраками. Мы не хотим жить на свалке, мы хотим ходить. Везде, – потупила взгляд девушка.

Очевидно, ее умственные способности также претерпели изменения. Возможно, их поили водкой в младенчестве, чтобы они не кричали, возможно, они дышали красками и ядами для насекомых из баллонов, которые убивают клетки мозга и вызывают кратковременную эйфорию, возможно, ее также избивали до состояния, в котором мозг получает необратимые изменения... Люди...

– Ты умеешь читать? – спросила Лилит, уже угадывая ответ.

Ей было тяжело смотреть на это. Возможно, ей стоило опустошить их сейчас и прекратить их горестное существование. Ян поднял руку, а девушка снова спрятала глаза.

– Он умеет читать, – указала она на него и отпустила его руку, словно вдруг посчитала себя недостойной держаться руки своего брата и сейчас выберут только его, а не их обоих.

– Возьми его за руку, Яна. Это твой брат, не забывай об этом. Вы пришли вдвоем, вы умрете вдвоем или переродитесь вдвоем... но не отпускай его руку, – Лилит встала. – Никогда, слышишь? Не отпускайте друг друга, если вам тяжело или плохо.

– Да... Лилит...

– Королева Лилит, – твердо поправил девушку Шакс.

– Мы будем вместе, королева Лилит, – исправилась де-

вушка и затравлено посмотрела на Шакса.

Лилит еще раз вздохнула, быстро подошла и поцеловала в губы, слегка коснувшись языком сначала Яну, затем Яна. Оба подростка изумленно смотрели на нее. Та, чья тень загоразивала их, была самым ласковым и могущественным существом за всю их жизнь. Они не догадались ни упасть на колени, ни склонить голову. Их голубые глаза с детской радостью и преданностью смотрели на нее, все еще не веря в происходящее.

– Вот и все, – сказала она, отвернувшись и не глядя больше на подростков.

– Кем они будут, госпожа? – спросил Шакс.

– Я не знаю. Сумраками им не быть, они не умеют говорить с людьми. Червями им не стать, потому что они вечные дети, они не смогут жить по правилам... Назовем их Бесами, – она посмотрела на пару, крепко державшуюся за руки. – Они хотят ходить везде, что ж, они будут ходить везде. Они будут воровать тепло, но не забирать жизнь, они будут видеть и слышать все, что происходит. Они будут вездесущи. Научи их этому, Демон.

Сейчас она видела, как ярко горели теплом их губы, борющиеся с инфекцией или благословением Королевы.

– Мне нужно будет следить за ними и питать их, пока они не обратятся, – сказал Шакс.

– Разумеется. У тебя в зале полно мяса. Думаю, эти двое стоят больше, чем десяток пустышек за этой дверью. Ты мо-

жешь разменять их, если понадобится. Пусть они выживут и станут сильными...

– Иначе зачем им быть, – закончил Первый Демон.

Глава 6. Шаги неизбежности

Лилит вскоре вернулась к шоколадному микроавтобусу, в котором сидел Лука. Открыв дверь, она пробралась внутрь, передав ему часть жизненных сил, которые она собрала по дороге с прохожих и водителей. Пронизанный вирусами организм, постоянно звеневший миллиардами электромагнитных импульсов, испускаемых пораженными клетками, тратил огромное количество энергии, особенно когда нужно было изучать что-то новое или переживать человеческие чувства. Неудивительно, что Лука, просматривающий в Интернете видео о Братстве,двигающемся в основном на запад, видео и комментарии свидетелей, изрядно проголодался и, закрыв глаза, жадно перенимал волны энергии от своей Королевы. Передача заняла несколько секунд, после чего он, удовлетворившись, открыл глаза, продолжив просмотр. Лилит села позади него и, положив голову ему на плечо, бездумно смотрела сквозь белый планшет в страшноватых, длинных, йодного цвета пальцах Луки. Она не спрашивала ни о чем. Сейчас ей было хорошо и спокойно. Если Лука захочет что-то сказать, он это скажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.